В. Тепловъ.

Расторженіе шведско-норвежской уніи.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ
ИЗЪ
«РУССКАГО ВѢСТНИКА»

ТИП. Т-ВА „СВѢТЪ".
Спб., Невскій, 136.
1905.

Нр 251—441

ПРОВЕРЕНО

Государ. публичная Историческая библиотека СССР №35218 1954

Расторженіе шведско-норвежской уніи.

I.

Норвегія, родина викинговъ, „пѣнителей морей“, нагонявшихъ своими отважными набѣгами такой панический страхъ на средневѣковую Европу,—снова привлекла къ себѣ въ теченіе прошлаго лѣта взоры всего образованнаго міра. Причиною того не былъ, какъ встарь, какой-нибудь смѣлый походъ на далекую страну, когда побѣдитель возвращался въ свои фіорды отягченнымъ славою и богатою добычей, ни даже основаніе имъ какого либо новаго царства, что по нынѣшнимъ временамъ было бы уже слишкомъ старомодно,—вопросъ сводился къ болѣе скромнымъ размѣрамъ и касался способовъ расторженія брака, насильственно совершеннаго четырьмя великими державами въ 1814 г., когда онѣ выдали Норвегію за нелюбимаго ею сосѣда.

При наступленіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, событіе, закончившееся карлстадтскими переговорами, можетъ имѣть важное значеніе для всей Европы, поэтому далеко не лишне разсмотрѣть его по возможности пристальнѣе.

Саги повѣствуютъ, что въ отдаленныя времена норвежцы занимали земли отъ южной части залива Вике до Дронтгейма (въ древности Нидароса), но не составляли изъ себя одного политическаго цѣлаго, распадаясь на 20—30 отдѣльныхъ группъ называемыхъ *фюльками* и имѣвшихъ во главѣ каждая своего короля или *ярла*. Постоянныя распри, происходившія между этими малыми политическими единицами, съ давнихъ поръ привели ихъ къ мысли о необходимости какого-либо учрежденія, которое регулировало бы взимныя отношенія между

фюльками. Такимъ учрежденіемъ явились *тинги*, общія собранія нѣсколькихъ соединенныхъ фюльковъ, созывавшіяся въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ благопріятное время года. На нихъ присутствовали всѣ свободные члены фюльковъ, но дѣла рѣшались особенными уполномоченными, назначаемыми каждымъ королемъ въ отдѣльности и образовывавшими верховное собраніе или верховный судъ. Въ позднѣйшія времена край былъ раздѣленъ на четыре большихъ округа каждый съ своимъ отдѣльнымъ тингомъ и со своими отдѣльными законами и обычаями. Королямъ приписывалось божественное происхожденіе; они предводительствовали войсками во время войны, но права ихъ находились въ большой зависимости отъ ихъ личныхъ качествъ и отъ размѣра ихъ личныхъ владѣній, и все таки наиболѣе важныя дѣла рѣшались на тингѣ самимъ народомъ, крестьянами. Какъ только король начиналъ попирать народныя права, его или убивали, или, если это не удавалось, на вѣки изгоняли изъ страны.

Такимъ образомъ, древне-норвежское общество состояло изъ двухъ сословій—королей и свободныхъ крестьянъ, причемъ званіе крестьянина считалось почетнымъ. Поступленіе на службу къ королю считалось для крестьянъ, наоборотъ, позорнымъ и налагалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ видѣ наказанія. Король былъ наиболѣе крупнымъ землевладѣльцемъ, при немъ жила дружина, но такъ какъ входившіе въ составъ ея воины находились въ зависимости отъ короля, то ихъ и не причисляли къ самостоятельнымъ людямъ, хотя они и пользовались полною личною свободою.

Эти характерныя черты устройства древняго норвежскаго общества въ многомъ объясняютъ то, что мы видимъ въ современной Норвегіи—преобладающее значеніе крестьянства, ревнивое, ни передъ чѣмъ не останавливающееся отстаиваніе того, что оно считаетъ своимъ правомъ и, наконецъ, крайній демократизмъ, проникающій всю страну и допускающій преклоненіе лишь передъ денежною аристократіею.

Суровые дружинники, одушевленные вѣрою, что никто не можетъ избѣжать своей судьбы, смѣло бросались въ кровавую сѣчу, причемъ скальды тутъ же воспѣвали ихъ подвиги. Въ мирное время ихъ воинственность находила себѣ исходъ въ охотахъ и въ грабительскихъ нападеніяхъ на сосѣдей.

Характеръ страны, представляющей изъ себя огромное нагорье, изрѣзанное долинами и глубоко вдающимися въ сушу морскими заливами (фіордами), не благопріятствовалъ созданію общественнаго владѣнія землею. Земли составляли частную соб-

ственность владѣльца, которая передавалась по наслѣдству обыкновенно старшему сыну, младшіе получали свою долю деньгами и отправлялись искать счастья на чужбинѣ. Такіе порядки, въ связи съ бѣдностью родной почвы и жаждой славы и обогащенія, служили могучимъ рычагомъ къ усиленію страсти къ заморскимъ набѣгамъ, сдѣлавшимся особенно частыми съ конца IX вѣка, когда въ Норвегіи стали слагаться довольно сильныя государства, короли которыхъ начали стѣснять народную свободу. Норвежцы, подъ именемъ норманновъ, скоро начинаютъ наводить ужасъ на сосѣднія страны. Историки различаютъ два періода морскихъ походовъ викинговъ: въ первомъ норманы предпринимаютъ набѣги мелкими отрядами, нападаютъ лишь на берега и острова и, награбивъ что можно, возвращаются при наступленіи зимы домой. Во второмъ періодѣ они уже собираются большимъ войскомъ, заходятъ далеко отъ берега зимуютъ въ покоренной странѣ, строя тамъ укрѣпленія, поселяются въ нихъ, подъ конецъ, основывая тамъ новыя царства. Побывали норманы и въ Ирландіи, и въ Англіи, въ устьѣ Луары и въ низовьяхъ Сены, и подъ именемъ варяговъ, забирались и въ Россію, и въ далекій Константинополь.

Въ концѣ IX вѣка Норвегія, благодаря королю Гафдану сплотилась въ одно королество; сынъ его Гаральдъ Гарфагаръ продолжалъ дѣло отца и, установляя единовластіе, произвелъ одновременно съ тѣмъ полный переворотъ въ экономическомъ и общественномъ строѣ страны. Массы недовольныхъ ярловъ и знаменитыхъ людей выселились на Исландію, Шетландскіе Гебридскіе и Оркнейскіе острова, но и здѣсь доставала ихъ могучая десница Гаральда, назначавшаго своихъ ярловъ и на островахъ. Подъ конецъ жизни, онъ раздѣлилъ страну между своими сыновьями, вслѣдствіе чего образовалось 16 королевствъ, непрестанно враждовавшихъ между собою, пока не пріобрѣлъ первенствующаго положенія младшій сынъ Гаральда, Гаконъ, сынъ рабыни, воспитанный въ Англіи при дворѣ Этельстана и тамъ крещенный. Его выбрали королемъ послѣ того, какъ онъ торжественно обѣщалъ крестьянамъ возстановить ихъ древнія права и вернуть имъ родовыя земли. Одинъ изъ его преемниковъ Олафъ II (1015—1024), признанный послѣ своей смерти святымъ, снова соединилъ подъ своею властью всю Норвегію, водворилъ въ ней христіанство, но своимъ своевольнымъ управленіемъ возбудилъ противъ себя народъ. Этимъ воспользовался Канутъ, король датскій, вторгшійся въ Норвегію. Народъ присягнулъ ему, а Олафъ II бѣжалъ и нашелъ себѣ пріютъ у Ярослава, въ Россіи, съ которой у Нор-

вегіи были обширныя связи, тѣмъ болѣе что въ это время Руси принадлежало все пространство до Люгенфіорда. Попытка Олафа отвоевать Норвегію была неудачна и даже самъ онъ былъ убитъ въ бою. Но невыносимыя притѣсненія, которымъ подвергались норвежцы подъ датскимъ игомъ привели къ тому, что тѣ самые люди, которые убили Олафа, привезли изъ Руси его десятилѣтняго сына Магнуса и провозгласили его королемъ. При длинномъ рядѣ его преемниковъ страна рѣдко пользовалась спокойствіемъ, чаще же всего она была поприщемъ кровопролитныхъ междоусобныхъ войнъ. Пользуясь смутнымъ временемъ, духовенство расширяло свои права и привилегіи и тѣмъ значительно ослабило королевскую власть. Въ 1174 г. король Магнусъ обнародовалъ такъ называемую грамоту Золотого пера, въ которой, называя себя королемъ Божіею милостью, обѣщалъ установить десятину въ пользу Церкви, отказался отъ всякаго вмѣшательства въ выборы епископовъ и предоставилъ архіепископу нидаросскому и состоявшимъ при немъ духовнымъ сановникамъ преобладающее вліяніе въ рѣшеніи вопроса о томъ, кому изъ сыновей или родственниковъ короля долженъ быть переданъ престолъ. Благодаря этому, уничтожалось древнее право выбора короля народнымъ собраніемъ. Видя такое попраніе своихъ правъ, народъ возсталъ и между нимъ и клерикалами возгорѣлась борьба, длившаяся болѣе столѣтія вплоть до воцаренія Сверри, который нанесъ рѣшительный ударъ вошедшимъ между собою въ союзъ духовенству и аристократіи и снова утвердилъ демократическія начала, искони составлявшія основу норвежскаго государства. Послѣдующіе короли Магнусъ VI (1263) и Гаконъ (1319) еще болѣе ослабили аристократію и Норвегія осталась страною крестьянъ—мелкихъ землевладѣльцевъ. Гаконъ умеръ безъ наслѣдниковъ мужскаго пола, а потому престолъ перешелъ къ его внуку по матери, малолѣтнему шведскому королю Магнусу Эриксену, причемъ какъ Швеція, такъ и Норвегія сохранили свои законы и свои верховные совѣты. Внукъ Магнуса—Олафъ соединилъ на своей головѣ три скандинавскихъ короны—норвежскую, шведскую и датскую, но вскорѣ умеръ, а бывшая регентшею мать его Маргарита была провозглашена королевой трехъ скандинавскихъ государствъ, причемъ на шведскій престолъ она была приглашена въ 1388 г. шведскими вельможами, главнымъ образомъ чтобы избавиться отъ Альберта мекленбургскаго, перваго короля Швеціи германскаго происхожденія; слѣдовательно, ея избраніе и послѣдовавшая затѣмъ Кальмарская унія были первымъ протестомъ Швеціи противъ германскаго вторженія.

Чтобы упрочить положеніе своего наслѣдника Эрика померанскаго, Маргарита созвала въ Кальмарѣ государственные совѣты всѣхъ трехъ королевствъ и они выработали въ 1397 г. законъ, называемый Кальмарской уніей. На основаніи его Данія, Норвегія и Швеція должны были имѣть всегда одного короля, избираемаго изъ династіи Эрика по линіи первородства. Скандинавскія государства не должны воевать между собою и, при нападеніи враговъ, должны защищать другъ друга; договоры съ иностранными державами должны быть общіе для всѣхъ трехъ государствъ, но каждое изъ этихъ послѣднихъ сохраняетъ свои собственные законы.

Норвегія немного выиграла отъ уніи, и должна была платить огромные налоги на покрытіе расходовъ на войны, чуждыя ея интересамъ. Самъ король въ Норвегію никогда не показывался, а его чиновники угнетали народъ и вытягивали изъ страны всѣ соки. Въ результатѣ были постоянныя смуты, такъ какъ народъ отказывался подчиняться чужеземцамъ и энергично сопротивлялся покушеніямъ ихъ на мѣстные законы и обычаи. Швеція тѣмъ временемъ отдѣлилась отъ уніи, выбравъ себѣ короля изъ своей національной династіи, что-же касается Норвегіи, то до 1814 г. у ней были короли общіе съ Даніей. Но норвежцы не переставали волноваться. Въ 1536 году датскій риксдагъ, вопреки кальмарской уніи, обратилъ Норвегію изъ равноправнаго члена союза въ подвластную провинцію. Уничтожено было отдѣльное норвежское народное собраніе, отдѣльныя армія и флотъ, отдѣльный верховный судъ. Всѣ процессы рѣшались въ Копенгагенѣ датскими судьями, тамъ же рукополагались епископы и воспитывалось юношество; управленіе страной было поручено фогтамъ, присылаемымъ датскимъ правительствомъ. Единственное, чего датчане не рѣшились затронуть, были права на землю крестьянъ. Въ отношеніи матеріальномъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣ уничтоженія въ 1613 г. зависимости отъ Ганзы сильно развилась торговля Норвегіи и ея судоходство.

Мысль о новомъ соединеніи всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствъ была у шведскихъ королей Густава IV Адольфа, Карла X, Карла XII и Густава III, а также Фридриха VI и Христіана VII датскихъ. Но изъ ихъ стараній не вышло ничего и, какъ полагалъ Наполеонъ I, изъ-за Англіи. Мнѣніе его по этому поводу было изложено въ статьѣ „Journal de l'Empire“ 17 іюня 1810 года: „Англичане постоянно опасались соединенія всѣхъ силъ Скандинавіи въ одну политическую систему, они сознаютъ, что неминуемымъ слѣдствіемъ

того будутъ: закрытіе Балтійскаго моря, активная война въ Сѣверномъ морѣ и вѣчная тревога за берега Ирландіи и Шотландіи". Французскіе дипломатическіе агенты тогда же подчеркнули официальное происхожденіе этой статьи [1]).

Побуждаемый Наполеономъ, король датскій Фридрихъ VI усиленно поднялъ проектъ скандинавскаго соединенія. По его повелѣнію были отпечатаны въ огромномъ количествѣ соотвѣтствующія прокламаціи; онѣ раздавались и разсылались повсюду не только обычными способами и чрезъ особыхъ курьеровъ, но и съ помощью воздушныхъ шаровъ, которые по волѣ вѣтра распространяли ихъ по Швеціи.

II.

По фридрихсгамскому договору, Россія отторгла въ 1809 г. отъ Швеціи и присоединила къ себѣ Финляндію.

18-го декабря 1810 года происходило свиданіе посланца Александра I—Чернышева съ только что назначеннымъ шведскимъ наслѣднымъ принцомъ Карломъ Іоанномъ (маршаломъ Бернадоттомъ), который сказалъ ему: „Я знаю, что здѣсь забудутъ Финляндію и примутъ компенсацію, которая болѣе соотвѣтствовала бы нашему положенію. Природа предназначила, чтобы скандинавскій полуостровъ составлялъ одно независимое государство. Послѣ потери Финляндіи, политика Швеціи должна имѣть лишь одну цѣль—объединеніе полуострова, точно также, какъ интересомъ Россіи, чтобы остаться мирною обладательницею Финляндіи, должно быть стараніе направить наши взгляды въ другую сторону". Это было первымъ ясно выраженнымъ предложеніемъ получить Норвегію съ помощью Россіи. Чтобы обезпечить себѣ поддержку и съ другой стороны, Бернадоттъ обратился съ предложеніемъ вознаградить Швецію присоединеніемъ Норвегіи и къ Наполеону I, но тотъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы отобрать эту страну отъ датскаго короля, бывшаго его вѣрнымъ союзникомъ.

Между тѣмъ политическія дѣла въ Европѣ въ 1812 году запутывались. Россія была наканунѣ войны съ Наполеономъ и отношенія къ ней Швеціи не могли быть для нея безразличны. Почва для новыхъ переговоровъ была готова и графъ Левеніельмъ былъ посланъ въ Петербургъ съ порученіемъ заключить между Россіею и Швеціей союзный договоръ, однимъ

---

[1]) La Scandinavie, par Lallerstedt, 313.

изъ условій котораго должна была быть уступка Норвегіи. Договоръ этотъ былъ подписанъ 27 марта 1812 г.; Россія и Швеція обязывались предложить Даніи добровольно уступить Норвегію и присоединиться къ коаліціи, образовавшейся противъ Наполеона. Если Данія не уступитъ добровольно, то Россія принудитъ ее къ тому силою, для чего одинъ корпусъ русскихъ войскъ будетъ посланъ на помощь шведамъ. Трактатъ былъ затѣмъ подтвержденъ договоромъ 30 августа 1812 г., заключеннымъ въ Або во время личнаго свиданія Александра I. съ Бернадоттомъ, когда этотъ послѣдній, въ качествѣ шведскаго наслѣднаго принца, сказалъ, между прочимъ, русскому императору: „Я совершенно и безповоротно преданъ вашему величеству: Швеція всегда будетъ вашимъ вѣрнымъ союзникомъ, ея армія всегда будетъ къ вашимъ услугамъ. Въ этихъ чувствахъ я воспитаю и моего сына". Тѣ же слова впослѣдствіи были повторены и Николаю I.

Къ состоявшемуся соглашенію присоединилась 13 марта 1813 года Англія, а вскорѣ за нею и Пруссія, давшія гарантіи, что Норвегія будетъ присоединена къ Швеціи. Послѣ Лейпцигской битвы корпусъ войскъ, составленный изъ русскихъ, шведовъ и пруссаковъ, подъ начальствомъ Бернадотта, занялъ Шлезвигъ и Голштинію и взялъ крѣпости Глюкстадтъ и Фредриксортъ. Датскій король Фридрихъ VI вынужденъ былъ подписать 14 января 1814 г. Кильскій договоръ, которымъ отказывался отъ Норвегіи. Договоръ состоялъ изъ 28 статей, не считая отдѣльной статьи, касательно возстановленія дружественныхъ отношеній между Даніей, Россіей и Пруссіей. Вотъ наиболѣе интересныя изъ этихъ статей:

Ст. III. Король датскій, желая дать поразительное доказательство (preuve frappante) желаніе своего возобновить самыя тѣсныя связи съ союзниками шведскаго короля и твердо убѣжденный въ серьезномъ желаніи шведскаго короля быстро возстановить такой же миръ, какой существовалъ до начала враждебныхъ дѣйствій, формальнымъ образомъ заявляетъ, что онъ желаетъ принять дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, направленномъ противъ императора французовъ, объявить этому государю войну и въ видахъ сего присоединить одинъ корпусъ своихъ войскъ, численность коего будетъ въ свое время опредѣлена, къ арміи сѣверной Германіи, состоящей подъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго. Все это должно быть сдѣлано способомъ, соотвѣтственнымъ съ конвенціею, только что заключенною между королемъ датскимъ и королемъ англійскимъ.

Ст. IV. Король датскій, за себя и за своихъ преемниковъ,

отказывается совершенно и навсегда въ пользу шведскаго короля и его преемниковъ отъ всѣхъ своихъ правъ и претензій на Норвежское королевство, а именно отъ епископствъ Христіанзанда, Бергена, Аггерхуза и Дронтгейма съ Норландіею и Финмаркеномъ до границъ Россійской Имперіи, епископствъ и областей, образующихъ норвежское королевство, со всѣми находящимися тамъ жителями, укрѣпленіями, крѣпостями, деревнями и островами, вдоль всѣхъ береговъ королевства, за исключеніемъ Гренландіи, Исландіи и острововъ Ферро. Какъ всѣ преимущества, такъ и налоги и доходы будутъ отнынѣ принадлежать въ полную собственность королю шведскому и Норвегія составитъ королевство, соединенное съ Швеціей. Въ сихъ видахъ датскій король самымъ торжественнымъ образомъ обязуется за себя, за своихъ преемниковъ и за все королевство не выставлять въ будущемъ никакихъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ притязаній на норвежское королевство, ни на епископства, ни на острова, ни на другія территоріи. Въ силу настоящей статьи всѣ жители освобождаются отъ присяги, принесенной ими датскому королю и государству.

Ст. V. Шведскій король обязуется, поэтому, самымъ формальнымъ образомъ, дозволить всѣмъ обитателямъ норвежскаго королевства пользоваться въ будущемъ своими законами, вольностями, правами и привилегіями нынѣ тамъ существующими.

Статьею VII король шведскій отказывается въ пользу датскаго короля отъ шведской Помераніи и острова Рюгена. Статья же XIII говоритъ: „Шведскій король, желая содѣйствовать, насколько возможно и насколько это будетъ зависѣть отъ него, тому, чтобы датскій король получилъ какое-либо вознагражденіе за уступку норвежскаго королевства,—явнымъ доказательствомъ такого желанія уже служитъ уступка Помераніи и Рюгена,—употребитъ весь свой авторитетъ предъ великими союзными державами, чтобы добиться, независимо отъ сего, при заключеніи общаго мира, вознагражденія пропорціональнаго уступкѣ Норвегіи“ [1]).

Совершенно аналогичное обѣщаніе было дано англійскимъ королемъ статьею X трактата, заключеннаго въ Килѣ между Даніей и Великобританіей въ самый день подписанія кильскаго шведско-датскаго договора [2]).

---

[1]) Supplément au Recueil des principaux traités, par F. de Martens. Goettingue. 1871. vol. I p. 666–677.

[2]) Ibid. p. 680.

Правителемъ Норвегіи былъ въ то время датскій принцъ Христіанъ-Фридрихъ; въ письмѣ къ нему отъ 17 января 1814 г. датскій король Фридрихъ VI писалъ: „съ живѣйшимъ горемъ увѣдомляю васъ о мирѣ, который я былъ вынужденъ заключить... наши войска... были слишкомъ малочисленны, чтобы противостоять превосходившимъ ихъ численностью непріятельскимъ войскамъ. Крѣпости Глюкстадтъ и Фредриксортъ были заняты врагомъ. Быть можетъ чрезъ нѣсколько дней было бы возможно оттѣснить врага отъ Фленсбурга, но Австрія высказалась противъ меня. Франція была не въ состояніи мнѣ помочь. Такимъ образомъ, я остался одинъ съ разстроенными финансами и миръ являлся единственнымъ средствомъ предотвратить окончательное разложеніе королевства".

Норвежцы, съ своей стороны, полагали, что датскій король властвовалъ въ Норвегіи въ силу древняго норвежскаго наслѣдственнаго закона и распоряжаться ею онъ могъ только въ предѣлахъ законности, а, слѣдовательно, не имѣлъ права передавать ее кому-либо безъ ея согласія. Онъ могъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлать только одно — отказаться отъ престола и тогда Норвегія получала право на самостоятельное распоряженіе своею судьбою. Въ силу такихъ соображеній, норвежцы воспротивились кильскому договору и нашли себѣ искуснаго защитника въ лицѣ своего правителя принца Христіана, который, за отсутствіемъ потомства у короля Фридриха VI, былъ предназначенъ занять впослѣдствіи датскій престолъ, на который, вступилъ въ 1839 г. подъ именемъ Христіана VIII.

Судя по отзывамъ современниковъ, личность этого 28-лѣтняго принца представляется въ высшей степени привлекательною. Прусскій комиссаръ баронъ Мартенсъ писалъ о немъ: „Всѣ надежды датскаго народа сосредоточиваются на принцѣ Христіанѣ. Красивый, исполненный ума и талантовъ, храбрый, популярный, прямой, твердый, очень краснорѣчивый, пользующійся уваженіемъ всѣхъ мужчинъ и окруженный обожаніемъ всѣхъ женщинъ, принцъ этотъ покоряетъ сердца и на него смотрятъ какъ на героя Сѣвера и спасителя отечества" [1]).

Принявъ званіе регента Норвегіи, принцъ Христіанъ въ грамотѣ отъ 19 февраля 1814 г. заявилъ отъ имени норвежскаго народа, что датскій король могъ освободить норвежцевъ отъ присяги, но не имѣлъ права подчинить ихъ иноземной государственной власти. Принцъ обратился затѣмъ и къ

Мартенсъ Гарденбергу 22 мая 1814.

заступничеству Александра I, въ горячихъ выраженіяхъ высказывая ему, что „тѣ же самыя причины, которыя недавно побуждали всю Россію вооружиться, одушевляютъ и весь норвежскій народъ, имѣющій только одну цѣль—защитить себя отъ притѣсненія, такъ какъ онъ желаетъ лишь мира и требуетъ лишь должнаго уваженія къ своимъ правамъ, какъ независимой націи“ [1]). Въ тоже время онъ созвалъ въ Эйдсвольдъ народныхъ представителей для выработки конституціи. Одинъ изъ членовъ собранія предложилъ было провозгласилъ принца, на основаніи закона 1665 г., наслѣдственнымъ неограниченнымъ монархомъ, но предложеніе это было отклонено, тѣмъ болѣе, что принцъ самъ выразилъ желаніе даровать Норвегіи конституціонную форму правленія и право избрать себѣ короля.

Ничего не знавшій о происшедшихъ событіяхъ, посланный Швеціею чрезвычайный комиссаръ баронъ Розенъ прибылъ въ Христіанію именно въ тотъ день, когда на улицахъ и площадяхъ читалась прокламація о самостоятельности и независимости Норвегіи. Принцъ-регентъ отказался вступить съ Розеномъ въ какіе-либо переговоры и сказалъ ему: „Я не могу противиться единогласно выраженному желанію народа, довѣрившаго мнѣ свою судьбу. Вы видите, что права, на которыя ссылается вашъ монархъ, ничтожны и что норвежскій народъ отвергаетъ ихъ столь же рѣшительно, какъ тѣ цѣпи рабства, которыя желаютъ возложить на него“ [2]).

Народные представители, собравшіеся въ Эйдсвольдѣ, выработали тѣмъ временемъ норвежскую конституцію. Главныя положенія ея слѣдующія: Норвегія образуетъ свободное, независимое, нераздѣльное и неотчуждаемое королевство. Законодательная власть принадлежитъ народу, который отправляетъ ее чрезъ посредство представителей, которымъ также принадлежитъ исключительное право обложенія налогами. Печать свободна; признается также полная свобода религіи, не допускаются только въ предѣлы государства іезуиты, монашескіе ордена и евреи. Король не имѣетъ права возводить въ какое-либо званіе или чинъ, не связанные съ должностью, занимаемою даннымъ лицомъ. Никому не могутъ быть предоставляемы какія-либо личныя и наслѣдственныя преимущества. Королю предоставляется право veto задерживающаго, но не

---

[1]) Aktstykker vedkommende Stormagternes Mission, ved Yngvar Nielsen, 19.

[2]) О шведско-норвежской уніи, Берендтса. Ярославль. 1895, стр. 21.

абсолютнаго и онъ долженъ жить внутри предѣловъ государства.

Завершивъ свою задачу, стортингъ въ Эйдсвольдѣ избралъ 17 мая 1814 г. принца Христіана королемъ Норвегіи и тотъ принялъ корону 19 мая, обратившись къ народу съ весьма сердечнымъ воззваніемъ, обѣщая защищать его независимость и положить за нее, если понадобится, и свою жизнь.

22 мая совершился торжественный въѣздъ въ столицу новаго короля, который началъ составлять себѣ дворъ и даже заказалъ въ Англіи 24 камергерскихъ ключа, но пакетъ съ ними прибылъ въ столицу, когда въ ней уже не было ни принца Христіана, ни камергеровъ, а во дворцѣ жилъ шведскій намѣстникъ [1]).

Когда великія державы, поручившіяся за исполненіе кильскаго трактата, убѣдились, что Норвегія вовсе не обнаруживаетъ желанія подчиниться рѣшеніямъ, принятымъ безъ ея вѣдома, тогда онѣ отправили въ Копенгагенъ своихъ комиссаровъ: Россія—генерала Орлова, Пруссія—барона Мартенса, Австрія—Штейгентеша; спустя нѣкоторое время прислала своего и Англія— Фостера. Предполагалось произвести сильное давленіе на датскаго короля, котораго подозрѣвали въ томъ, что подъ рукою онъ обнадеживаетъ и даже подстрекаетъ принца Христіана къ противодѣйствію кильскому договору. Въ дѣйствительности это, повидимому, не соотвѣтствовало истинѣ и каковы бы ни были личныя чувства и симпатіи Фридриха VI, окружавшія его обстоятельства такъ принизили его, что ему не могло придти въ голову держаться какого-либо самостоятельнаго образа дѣйствій.

Во время первой же аудіенціи генерала Орлова, датскій король сказалъ: „Со мною можно сдѣлать теперь что угодно, меня могутъ раздавить, но невозможно заставить меня передать Норвегію Швеціи, такъ какъ она столь же мало повинуется мнѣ, какъ и представителямъ державъ-поручительницъ. Я перепробовалъ всѣ средства, ни одно мнѣ не удалось, если вы знаете какое-либо другое — научите меня“. Затѣмъ, подъ вліяніемъ рѣзкихъ настояній Орлова, у короля вырвалось восклицаніе: „Вы правы, я долженъ былъ умереть ранѣе, чѣмъ я подписалъ отдѣленіе отъ меня Норвегіи“ [2]).

Попытка уладить дѣло дипломатическимъ путемъ успѣха не имѣла, не помогла и поѣздка комиссаровъ въ Норвегію и

---

[1]) Ibid стр. 24.

[2]) Орловъ графу Нессельроде, 1(12) мая 1814 г.

переговоры ихъ съ королемъ Христіаномъ, который твердо стоялъ на томъ, что онъ не можетъ сойти съ поста, порученнаго ему народнымъ довѣріемъ. Пока народъ не сложитъ съ него своихъ полномочій, онъ будетъ защищать независимость призвавшей его страны и сложитъ за нее свою голову.

Норвежцы относились совершенно спокойно къ перспективѣ шведскаго нашествія: „блокировать ихъ побережье было бы невозможно, если бы даже Англія захотѣла,—но она того не захочетъ,—послать туда весь свой флотъ; точно также спокойны они и со стороны суши: малая армія будетъ очень легко отражена, большая—не найдетъ себѣ здѣсь продовольствія. Если къ шведской арміи присоединится армія какой-либо другой державы, торговля этой послѣдней будетъ уничтожена. Сдѣлавшись какъ бы варварійскими владѣніями Сѣвера Европы, норвежцы возобновятъ времена флибустьеровъ. Всѣ прилегающія къ Балтійскому морю державы станутъ болѣе или менѣе ихъ данниками. Одна лишь Англія могла бы внушить имъ уваженіе и извлечь изъ того выгоды. Поэтому, въ высшей степени важно, чтобы норвежскій вопросъ могъ уладиться миролюбивымъ путемъ“ [1]).

Даже женщины кипѣли ненавистью къ шведамъ. Женщины Христіаніи, Бергена и Дронтгейма послали принцу Христіану всѣ свои драгоцѣнности. „Народная ненависть къ шведамъ такъ велика, что въ случаѣ несчастія, норвежцы предпочтутъ отдаться Пруссіи, Англіи и въ особенности Россіи, которой не боятся вовсе, а напротивъ, желали бы сдѣлаться ея колоніей, внушающей Швеціи постоянный страхъ“ [2]).

Чѣмъ больше присматривались комиссары континентальныхъ державъ къ положенію дѣлъ въ Норвегіи, тѣмъ яснѣе становилось для нихъ, кто именно является истиннымъ виновникомъ смуты на Скандинавскомъ полуостровѣ. Отъ барона Мартенса не ускользнули всѣ интриги тамъ Англіи и въ своемъ донесеніи отъ 1 августа онъ говоритъ, что лишь отсутствіе съ собою секретнаго шифра мѣшаетъ ему донести письменно объ образѣ дѣйствій этой державы. Онъ оставляетъ это до устнаго доклада, по возвращеніи въ Берлинъ. Впрочемъ, и самъ датскій король сказалъ ему на первой аудіенціи, что виною всѣхъ затрудненій является не принцъ Христіанъ и не норвежскій народъ, но, главнымъ образомъ, нѣкоторые изъ

---

[1]) Мартенсъ Гарденбергу, 6 іюня 1814.

[2]) Онъ же тому же, 6 іюля 1814.

богатыхъ купцовъ, которымъ хотѣлось бы быть англичанами [1]).

Русскій комиссаръ генералъ Орловъ выразился откровеннѣе: „Образъ дѣйствій Англіи главная причина норвежскаго возстанія. Норвежцы хотятъ независимости подъ протекторатомъ Англіи. Кромѣ того, Англія, какъ слышно, ведетъ переговоры объ уступкѣ ей острова Зеландіи, что наводитъ на мысль о смѣлыхъ и изумительныхъ планахъ этой державы, и безъ того уже страшной своимъ морскимъ могуществомъ. Занятіе Зеландіи и протекторатъ надъ Норвегіею показываютъ одинъ и тотъ же принципъ—стремленіе къ владычеству въ связи съ проектами, проникнутыми морскимъ честолюбіемъ“ [2]).

Въ норвежскомъ вопросѣ Англія вела свою обычную политику: какъ и подобаетъ всякой умной державѣ, она прежде всего защищала свои собственные интересы, а потомъ уже думала объ европейскомъ концертѣ. На словахъ она порицала поступки принца Христіана, на дѣлѣ она единственная изъ всѣхъ европейскихъ державъ послала къ нему своего представителя, Моріера, и сама принимала въ Лондонѣ Христіанова посланца Карстена Анкера. Въ двоедушіи политики ей вистовала Австрія, доказательствомъ тому служитъ хотя бы такой фактъ: „У австрійскаго комиссара Штейгентеша и англійскаго Фостера были двойныя инструкціи; однѣ для показыванія своимъ коллегамъ, другія—служившія имъ для руководства. Штейгентешъ не скрылъ отъ наслѣднаго принца, что въ интересахъ Австріи увеличить Швецію присоединеніемъ Норвегіи, дабы тѣмъ создать на сѣверѣ противовѣсъ Россіи и, поддерживая одновременно Данію, воздвигнуть преграду къ союзу между Россіей и Пруссіей. Тайныя инструкціи Фостера предписывали ему сблизиться съ австрійскимъ комиссаромъ и запутать дѣла, въ случаѣ, если Даніи будетъ угрожать какая-либо опасность“ [3]).

21 іюля открылись военныя дѣйствія шведовъ, но послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ схватокъ, шведскій наслѣдный принцъ согласился вступить въ непосредственныя сношенія съ норвежскимъ народомъ и вести съ нимъ переговоры, какъ съ вполнѣ независимою націею. Такой образъ дѣйствій Бернадотта крайне удивлялъ всѣхъ послѣдующихъ шведскихъ историковъ; объяснялся онъ, между прочимъ, и тѣмъ, что Берна-

---

[1]) Онъ же тому же. 15 мая 1814.

[2]) Орловъ графу Нессельроде, 13 мая 1814.

[3]) Секретный мемуаръ Орлова. 16 августа 1814.

доттъ, неувѣренный въ прочности своего личнаго положенія въ Швеціи, хотѣлъ добиться пріязни норвежцевъ и заблаговременно приготовить себѣ тронъ въ Норвегіи на случай, если ему придется покинуть Швецію. Какъ бы то ни было, 14 августа 1814 г. въ мѣстечкѣ Моссъ было заключено перемиріе и подписана конвенція, которою принцъ Карлъ-Іоаннъ отъ имени шведскаго короля обѣщалъ: 1) Сохранить за Норвегіей Эйдсвольдскую конституцію во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые не противорѣчатъ уніи съ Швеціей и 2) предоставить Норвегіи право вполнѣ самостоятельно участвовать въ установленіи условій соединенія.

Второй пунктъ конвенціи предопредѣлялъ, такимъ образомъ, характеръ политическаго устройства Скандинавскаго полуострова и явился рѣшительнымъ отступленіемъ отъ принциповъ соединенія, установленныхъ въ русско-шведскихъ, русско-шведскомъ и англо-шведскомъ договорахъ 1812 и 1813 гг. и въ Кильскомъ трактатѣ 1814 г. Постановленія этого послѣдняго были совершенно измѣнены Мосскою конвенціею и вмѣсто передаваемой изъ рукъ въ руки въ полную собственность датской провинціи, выступило на сцену самостоятельное государство Норвегія, свободно договаривающееся объ условіяхъ своего соединенія съ Швеціей.

Вслѣдствіе Мосской конвенціи, король Христіанъ издалъ 16 августа прокламацію къ норвежцамъ, въ которой, описавъ положеніе дѣлъ, заявлялъ, что, дабы предотвратить полное разореніе страны, онъ по собственной волѣ покидаетъ постъ, на который норвежцы его призвали“ [1]).

Согласно тому, какъ это было предварительно условлено, король Христіанъ созвалъ на 7 октября 1814 г. стортингъ и передалъ ему посланіе, въ которомъ окончательно отрекался отъ данной ему власти и освобождалъ Норвегію отъ присяги. Для переговоровъ со стортингомъ относительно соединенія Норвегіи со Швеціей были посланы шведскіе комиссары съ инструкціею выказать возможно большую уступчивость. Плодомъ ихъ совмѣстной работы былъ договоръ, по которому Норвегія образуетъ свободное, самостоятельное, нераздѣльное и неотчуждаемое королевство, соединенное съ Швеціей подъ властью общаго имъ обоимъ короля. Во всѣхъ собственныхъ дѣлахъ Норвегія должна управляться самостоятельно, а въ общихъ пользоваться равнымъ съ Швеціей вліяніемъ. Что до

---

[1]) Supplément au Recueil des principaux traités par F. de Martens 1817. vol. II. 65.

внѣшнихъ сношеній, то Норвегія должна имѣть для нихъ свое собственное управленіе, но внѣшнія дѣла, касающіяся обоихъ государствъ, должны рѣшаться въ соединенномъ норвежскомъ и шведскомъ государственномъ совѣтѣ. Точно также Норвегія можетъ, въ лицѣ двухъ членовъ своего государственнаго совѣта, состоящихъ при королѣ, участвовать въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ всякій разъ, когда въ немъ будетъ обсуждаться вопросъ общегосударственнаго значенія. Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія его требуется согласіе норвежскаго правительства.

Лишь тогда, когда шведскіе комиссары согласились отъ имени короля на поставленныя стортингомъ условія соединенія, стортингъ принялъ отреченіе короля Христіана и избралъ Карла XIII конституціоннымъ королемъ Норвегіи. Наслѣдный принцъ Карлъ-Іоаннъ вручилъ письменную присягу короля управлять Норвегіею согласно съ ея конституціей и ея законами. Члены же стортинга, въ своемъ качествѣ представителей всего норвежскаго народа, принесли клятву въ вѣрности конституціи и королю.

Чтобы опредѣлить взаимныя конституціонныя отношенія между обоими королевствами, норвежскимъ стортингомъ и шведскимъ риксдагомъ былъ сообща выработанъ особый Государственный актъ, подписанный въ Христіаніи 31 іюля и въ Стокгольмѣ 6 августа 1815 г. Вступленіе къ нему очень характерно, такъ какъ даетъ твердую почву для опредѣленія обоюдныхъ отношеній, въ которыхъ находились обѣ стороны въ моментъ заключенія уніи:

„Мы, нижеподписавшіеся, представители королевства Норвегіи, собравшіеся въ Христіаніи въ обычную сессію, и мы, государственные чины королевства Швеціи, графы, бароны, епископы и члены рыцарскихъ орденовъ и дворянства, а также сословій духовенства, горожанъ и народа, собравшіеся на сеймъ королевства, объявляемъ, что такъ какъ народы Скандинавіи столь счастливо съ помощью Божіей соединились новою политическою связью, которая образовалась не силою оружія, но вслѣдствіе вполнѣ свободнаго убѣжденія, то эта связь можетъ и должна быть поддерживаема лишь обоюднымъ признаніемъ законныхъ правъ народовъ для поддержки ихъ общаго престола“ [1]).

---

[1]) Supplément au Recueil des principaux traités, par de Martens, II. 608.

III.

Особыя обстоятельства, при которыхъ соединились Швеція и Норвегія, дали впослѣдствіи поводъ къ всевозможнымъ пререканіямъ между обоими королевствами при наличности разногласія въ опредѣленіи юридическаго положенія Норвегіи, созданнаго ей условіями уніи. Чуть не съ самаго начала возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать присоединеніе Норвегіи совершившимся въ силу Кильскаго трактата,—когда датскій король передалъ королю шведскому Норвегію, какъ часть своихъ владѣній и въ полную его собственность,—или же считать его совершившимся въ силу послѣдующей Моссой конвенціи, т. е. актомъ добровольнаго согласія на присоединеніе со стороны Норвегіи, какъ самостоятельнаго государства, а потому сохраняющей и послѣ уніи такой же характеръ самостоятельности и независимости. Вопросъ этотъ подробно разбирается въ сочиненіи Нильса Эдена—„Die Schwedisch-Norvegische Union und der Kieler Friede“, Leipzig, 1895, причемъ авторъ склоняется къ мысли, что шведско-норвежская унія основывается на Кильскомъ договорѣ (стр. 39, 50, 99),—точка зрѣнія, которою затѣмъ руководствовались шведы въ своихъ притязаніяхъ смотрѣть на Норвегію не какъ на равноправное, а какъ на подчиненное королевство.

Защитникомъ противоположнаго мнѣнія явился Ингваръ Нильсенъ въ изданной имъ брошюрѣ „Der Vertrag von Moss“, Kiel. 1895. Къ этимъ двумъ сочиненіямъ и могутъ обратиться лица, интересующіяся настоящимъ вопросомъ, изъ котораго проистекли всѣ затрудненія нынѣшняго года.

Мнѣ же кажется, что только что цитированное вступленіе въ Государственный актъ такъ ясно подчеркиваетъ добровольность уніи, основанной на ничѣмъ не принужденномъ убѣжденіи, что тѣмъ самымъ дѣлается невозможнымъ искать юридическую ея основу въ Кильскомъ трактатѣ, безцеремонно распорядившемся судьбою Норвегіи безъ всякаго ея вѣдома и, слѣдовательно, при отсутствіи какого бы то ни было убѣжденія, о которомъ ее тогда и не спрашивали.

Составившееся у шведскаго правительства представленіе о нѣкоторой подчиненности Норвегіи столкнулось со столь обычнымъ для норвежцевъ упорнымъ отстаиваніемъ народныхъ правъ и съ сознаніемъ, что и при уніи Норвегія продолжаетъ быть независимымъ государствомъ. Это разномысліе по основному вопросу привело Швецію и Норвегіюкъ ряду столкно-

вений, наполняющихъ всю, почти столѣтнюю, совмѣстную жизнь этихъ обоихъ государствъ и никогда не дѣлавшихъ изъ нея образчика домашняго рая.

Уже въ 1815 году шведскому королю пришлось столкнуться съ оппозиціей стортинга во-первыхъ по вопросу о возстановленіи дворянства, уничтоженнаго по эйдсвольской конституціи, и во-вторыхъ, по поводу празднованія дня конституціи не 17 мая, когда она была выработана, а 4 ноября, когда она была подтверждена шведскимъ королемъ. Сущность и значеніе спора заключались въ томъ, что шведы, настаивая на днѣ 4 ноября, хотѣли оттѣнить, что конституція была народу дарована королемъ, а стортингъ празднованіемъ дня 17 мая хотѣлъ доказать, что онъ въ лицѣ своихъ представителей, самъ ее добылъ себѣ. Вызывавшіяся тѣмъ столкновенія настолько обострились, что въ 1833 году образовалась ультранаціональная партія, добивавшаяся отдѣленія отъ Швеціи и объявленія полной независимости Норвегіи, а пока требовавшая отдѣльныхъ дипломатическихъ представителей Норвегіи при иностранныхъ дворахъ.

Требованіе это основывалось на томъ, что актъ 6 августа 1815 г. перечисляетъ тѣ государственные органы, которые должны быть общими для двухъ государствъ: консула въ этомъ перечнѣ не упомянуты; норвежская же конституція категорически указываетъ на возможность учрежденія норвежскихъ консульствъ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ текстовъ норвежцы выводили, какъ слѣдствіе, свое право учредить въ случаѣ надобности консульства.

Іюльская революція еще болѣе оживила демократическія стремленія Норвегіи; въ 1836 г. былъ уничтоженъ послѣдній поземельный налогъ, чрезъ два года было преобразовано сельское самоуправленіе съ устраненіемъ на него всякаго вліянія администраціи. Въ 1839 г. стортингъ отвергъ предложенія шведскаго правительства замѣнить задерживающее королевское veto абсолютнымъ и занялся консульскимъ вопросомъ.

Уже въ предъидущемъ 1838 г. стортингъ потребовалъ учрежденія отдѣльныхъ норвежскихъ дипломатическихъ миссій, отдѣльныхъ норвежскихъ консульствъ, а также дарованія флага безъ знака уніи. Король отказалъ въ своемъ согласіи, а въ 1839 г. стортингъ представилъ ему адресъ, въ которомъ затронулъ вопросъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій акта объ уніи и заявилъ, что способъ веденія дипломатическихъ сношеній не представляетъ гарантій соблюденія норвежскихъ интересовъ.

Послѣдствіемъ этихъ заявленій стортинга было составленіе комиссіи для пересмотра акта объ уніи и для выработки новаго акта, болѣе соотвѣтствующаго интересамъ обѣихъ странъ. Комиссія выработала такой проектъ; однимъ изъ главныхъ его заключеній было, что единственнымъ, дѣйствительнымъ документомъ, на которомъ основывается шведско-норвежская унія, должна быть признана норвежская конституція, принятая послѣ переговоровъ шведскихъ комиссаровъ съ одной стороны и стортингомъ съ другой [1]).

Шведское правительство, съ своей стороны, заявило, что необходимо прежде всего въ точности опредѣлить долю участія каждаго изъ государствъ въ покрытіи расходовъ на содержаніе дипломатическаго вѣдомства и на военную защиту скандинавскаго полуострова.

Комиссія занималась возложеннымъ на нее дѣломъ пять лѣтъ (1839—1844), и ни къ какому практическому результату не пришла.

Воцарившійся въ 1844 г. король Оскаръ I согласился на требованія норвежцевъ, чтобы внѣшніе знаки уніи — гербъ, флагъ и печать выражали равноправность обоихъ соединенныхъ государствъ. Гербовый щитъ былъ раздѣленъ на двѣ равныя половины, вмѣсто прежнихъ трехъ частей (гербы: Гэта, Свея, Норге). Кромѣ того Норвегія получила свой собственный торговый флагъ и свой орденъ св. Олафа. По этому поводу шведы горько жаловались на то, что Норвегіи были даны разныя льготы безъ предоставленія Швеціи соотвѣтствующихъ выгодъ.

Норвегія пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать Швеціи непріятность. Въ 1856 г. король Оскаръ I учредилъ нѣсколько комиссій для изученія способовъ облегченія между обѣими странами торговыхъ сношеній, а также по вопросу объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по различнымъ гражданскимъ дѣламъ. Рѣшенія комиссій были одобрены государственными совѣтами обѣихъ странъ и отвергнуты въ 1857 г. стортингомъ въ выраженіяхъ мало доброжелательныхъ для Швеціи.

Въ первый же годъ царствованія преемника Оскара I, Карла XV, препирательства между Швеціей и Норвегіей возобновились съ новой силой изъ-за королевскаго права назначать въ Норвегію намѣстника. Законъ объ уничтоженіи этого права былъ принятъ стортингомъ въ 1859 г.

---

[1]) La question Norvégienne. Stockholm. 1860. p. 4.

Вступившій на престолъ въ 1872 году король Оскаръ II успѣлъ разными уступками расположить въ свою пользу норвежскій стортингъ, такъ что этотъ послѣдній согласился на преобразованіе таможеннаго дѣла и на введеніе общей скандинавской монеты. Но этотъ возобновившійся медовый мѣсяцъ длился не долго и снова пошли пререканія изъ-за желанія стортинга, чтобы министры, по первому его требованію, являлись въ его засѣданія, а затѣмъ изъ-за вопроса объ увеличеніи арміи и флота. Особенную остроту пререканія эти пріобрѣли въ 1885 году, когда Швеція, не испросивъ согласія Норвегіи, измѣнила систему управленія: король пересталъ быть руководителемъ иностранной политики Швеціи, передавъ ее завѣдыванію министра иностранныхъ дѣлъ, на котораго возлагается конституціонная отвѣтственность. При такомъ новомъ порядкѣ къ нему же перешло право норвежскаго короля заправлять внѣшнею политикою Норвегіи. Вытекающія изъ того послѣдствія важны были въ практическомъ отношеніи. Внѣшняя политика представляла выдающееся значеніе для Норвегіи, какъ страны преимущественно торговой, въ противоположность Швеціи, страны по преимуществу земледѣльческой, и потому, неловкій шагъ во внѣшней политикѣ могъ грозить опасностью политическому и національному существованію страны.

Въ этомъ отношеніи интересны мнѣнія, высказанныя норвежскою радикальною партіею.

Швеція, твердили радикалы, желаетъ играть вліятельную роль въ политикѣ, для чего ей нужны армія и флотъ Норвегіи; поэтому-то она и забрала въ свои руки внѣшнюю политику Скандинавіи, дабы вести ее безъ контроля со стороны стортинга. Подчиненіе шведскимъ желаніямъ повлечетъ за собой страшный ростъ лишнихъ и непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ — аргументъ этотъ приведенъ спеціально по адресу крестьянъ-избирателей, на умы которыхъ онъ всегда производитъ сильное впечатлѣніе: „Въ теченіе столѣтій Норвегія знала лишь одного врага — шведа, желавшаго подчинить ее себѣ при Карлѣ XII, Густавѣ III и IV и въ 1814 году. Эйдсвольдская конституція вручила всю власть надъ государствомъ народу, лучше всѣхъ знающему истинныя потребности страны и лучше всѣхъ способному оцѣнить необходимость матеріальныхъ жертвъ или ихъ безполезность Королевская власть съ ея мишурнымъ блескомъ, чиновничья іерархія съ ея бумажнымъ дѣлопроизводствомъ—дорого стоющія излишества. Въ норвежской конституціи слѣдуетъ уничт-

тожить всякій слѣдъ вліянія честолюбивыхъ шведовъ и учредить особое норвежское министерство иностранныхъ дѣлъ и особыя норвежскія консульства, дабы имѣть гарантіи въ томъ, что миролюбивые норвежцы не будутъ противъ воли своей втянуты въ затѣи Швеціи, страдающей маніей величія и не могущей отказаться отъ воспоминаній о своемъ воинственномъ и кровавомъ прошломъ. Мечты скандинавизма — мечты опасныя. Не могущество Скандинавіи важно—важна свобода народа, важно его матеріальное преуспѣяніе. Король и его правительство этого не понимаютъ — они шведы, и для нихъ норвежскій народъ пасынокъ и лишь средство для осуществленія ихъ политическихъ затѣй. Veto короля есть не что иное, какъ орудіе вмѣшательства чужой власти въ дѣла Норвегіи. Народъ — истинный владыка Норвегіи, стортингъ его представитель и его олицетвореніе, король его слуга. Если король осмѣлится и впредь противопоставлять свое veto рѣшеніямъ державнаго народа, то народъ скажетъ: „выйди вонъ“ [1]).

При такомъ настроеніи партіи, пріобрѣвшей въ Норвегіи преобладаніе, немудрено, что пререканія о консулахъ разгорались въ теченіе ряда лѣтъ все больше и больше, переговоры съ цѣлью добиться полюбовнаго рѣшенія дѣла успѣха не имѣли; кабинеты падали, министры уходили и даже по требованію стортинга попадали подъ судъ, а стороны никакъ не могли придти къ соглашенію. Въ 1891 г. кабинетъ Стена высказалъ прямое требованіе о назначеніи отдѣльнаго норвежскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ году стортингъ ассигновалъ деньги на учрежденіе отдѣльныхъ норвежскихъ консульствъ, но король отказался утвердить это постановленіе и отставилъ министерство Стена, несмотря на то, что въ стортингѣ оно имѣло большинство въ 64 голоса.

Въ отместку, радикалы провели въ 1893 г. постановленіе объ уменьшеніи какъ суммъ отпускаемыхъ на содержаніе короля, такъ и содержанія министровъ. Большинство стортинга назначило срокомъ для отдѣленія норвежскихъ консульствъ отъ шведскихъ 1 января 1895 года и опредѣлило на содержаніе ихъ 340,450 кронъ. Правительство отвѣтило на это отказомъ отдѣлить консульства и употребило на общія консульства деньги, назначенныя на отдѣльныя. Вся страна раздѣлилась тогда на двѣ партіи — правая желала проведенія принципа равенства въ предѣлахъ существующаго соглашенія,

---

[1]) О шведско-норвежской уніи, Берендтса, 78.

лѣвая же считала исполненіе подобнаго желанія вполнѣ несбыточнымъ и видѣла только одинъ выходъ изъ унизительнаго для Норвегіи и во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнаго положенія дѣлъ—раздѣленіе обѣихъ странъ и отмѣну существующей между ними уніи.

Въ 1895 году былъ учрежденъ новый комитетъ по пересмотру положенія объ уніи, онъ работалъ три года и съ отрицательнымъ результатомъ. Особенно подробно комитетъ разсматривалъ возбужденное принцомъ-регентомъ предложеніе, согласно которому отвѣтственность предъ обоими королевствами долженъ былъ нести одинъ общій министръ иностранныхъ дѣлъ, принадлежащій безразлично къ шведской или норвежской національности.

Послѣ того какъ оказалось, что общій пересмотръ положенія объ уніи недостижимъ, снова вернулись къ вопросу о консульствахъ, которымъ занялся учрежденный въ началѣ 1902 года спеціальный смѣшанный шведско-норвежскій комитетъ.

На основаніи работъ этого комитета состоялось предварительное соглашеніе 24 марта 1903 г., которымъ въ принципѣ было установлено учрежденіе отдѣльныхъ консульствъ для Норвегіи. Отношенія отдѣльныхъ консуловъ къ общему министру иностранныхъ дѣлъ и къ общимъ посольствамъ должны были опредѣляться отдѣльными, но съ одинаковымъ текстомъ, законами для обоихъ государствъ.

Это соглашеніе было подписано королемъ въ концѣ 1903 года. Затѣмъ первые министры обѣихъ странъ предложили другъ другу проекты „законовъ съ одинаковымъ текстомъ“ и споръ продолжался на этой почвѣ. Къ соглашенію придти было невозможно и 1 февраля 1905 года переговоры были прерваны Норвегіей. Предложеніе о посредничествѣ, сдѣланное 5 апрѣля принцемъ-регентомъ, было точно также отвергнуто Норвегіей. На новые переговоры норвежцы не пожелали согласиться безъ обезпеченія нѣкоторыхъ предварительныхъ условій и приступили къ обсужденію вопроса въ стортингѣ. Результатомъ было единогласное принятіе закона о консульствахъ, который долженъ былъ вступить въ силу съ 1 апрѣля 1905 года.

Король Оскаръ отказалъ, однако, 14 мая утвердить этотъ законъ, а три члена норвежскаго кабинета, составлявшіе стокгольмскую делегацію норвежскаго государственнаго совѣта, отказались, съ своей стороны, контрасигнировать этотъ отказъ и подали прошеніе объ отставкѣ всего кабинета, которая королемъ принята не была.

IV.

Извѣстіе, что король не утвердилъ законопроекта о консульствахъ, единогласно принятаго стортингомъ, произвело по всей Норвегіи очень сильное впечатлѣніе; большинство находило, тѣмъ не менѣе, это событіе скорѣе радостнымъ, чѣмъ печальнымъ, такъ какъ оно знаменовало собою конецъ невыносимому положенію и приближало къ окончательному разрыву уніи, чего страстно желалъ весь норвежскій народъ.

Король по закону имѣетъ, конечно, право отклонить голосованный стортингомъ законопроектъ и только послѣ троекратнаго принятія одного и того же законопроекта послѣдовательно въ три законодательныхъ сессіи законъ входитъ въ силу помимо желанія короля. Но введеніе закона такимъ путемъ потребовало бы не менѣе семи лѣтъ и страна рѣшила добиться самостоятельности безотлагательно.

Какъ только въ Христіаніи узнали все, что произошло въ Стокгольмѣ, всѣ члены норвежскаго правительства внесли въ стортингъ прошеніе, въ которомъ заявляли о своемъ выходѣ въ отставку, мотивируя это тѣмъ, что рѣшеніе короля въ вопросѣ о реорганизаціи консульскаго законодательства несовмѣстимо съ основными правами норвежской конституціонной монархіи и означаетъ собою разрывъ существующихъ между Норвегіею и Швеціею отношеній, созданныхъ уніею.

Отставка кабинета Михельсена была вполнѣ логическимъ слѣдствіемъ отказа короля дать санкцію закону,—отказа, который, по убѣжденію норвежскаго государственнаго совѣта, какъ по сущности, такъ и по формѣ, противорѣчилъ основнымъ законамъ страны. Король же, въ свою очередь, не могъ принять отставки, такъ какъ прекрасно зналъ, что новаго кабинета образовать ему не удастся за невозможностью найти замѣстителей ушедшимъ министрамъ, такъ какъ общественное мнѣніе не скрывало, что всякій согласившійся быть такимъ замѣстителемъ былъ бы заклейменъ кличкою предателя отечества.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ создала странное и въ высшей степени ненормальное положеніе. Такъ какъ король не принялъ отставки кабинета, то послѣдній пока долженъ былъ исправлять свои обязанности, но фактически существовавшее дотолѣ норвежское правительство перестало дѣйствовать съ того момента, какъ оно, сложивъ съ себя всякую отвѣтственность за образъ дѣйствій короля, отказалось контрасигнировать его рѣшеніе. Слѣдствіемъ всего этого въ Норвегіи явилось временное безначаліе.

Въ такомъ смыслѣ высказывался и органъ велико-шведской партіи „Nya dagligt Allehanda“, который, привѣтствуя отказъ

короля отъ санкціи новаго закона, находилъ, что въ Норвегіи воцарилась полная анархія, и, отдавая себѣ отчетъ въ возможныхъ отъ того послѣдствіяхъ прибавлялъ, что „для сохраненія такой уніи не стоитъ жертвовать ни одною каплею шведской крови".

Норвежская печать высказывалась спокойно и сдержанно; самая вліятельная газета „Morgenbladet" по поводу образа дѣйствій короля говорила: „Такъ обращаются только съ народомъ, который желаютъ оскорбить или вызвать на необдуманный шагъ. Но ни то, ни другое не удастся въ виду невозмутимаго спокойствія норвежскаго народа".

Самый рѣзкій отзывъ былъ данъ въ консервативной газетѣ „Landsbladet": „При нашемъ государственномъ строѣ невозможна королевская власть, дѣйствующая наперекоръ единогласному національному собранію и единогласному народу. Отказавъ притомъ въ настоятельной просьбѣ норвежскаго правительства пріѣхать въ Норвегію, король вступилъ на путь, ведущій къ отреченію отъ норвежскаго престола".

Проникшее все населеніе Норвегіи убѣжденіе, что король Оскаръ, хотя и временно, но самъ отмѣнилъ свои права и обязанности короля Норвегіи, повело къ быстрому концу на почвѣ намѣченнаго стортингомъ рѣшенія замѣнить, на основаніи 13-ой статьи конституціи, власть короля властью отвѣтственнаго правительства.

Члены правительства выработали 25 мая адресъ королю, въ которомъ, упомянувъ о рѣшеніи его величества въ совѣтѣ министровъ 14 мая не принимать ихъ отставки, заявляли, что въ силу конституціи король обязанъ дать странѣ конституціонное правительство.

„Съ того момента, когда король воспрещаетъ образованіе отвѣтственнаго кабинета, норвежская королевская власть перестаетъ функціонировать". Такой порядокъ вещей не можетъ существовать. Правительство нельзя принудить исполнять обязанности противъ его воли. Его величество даже попытки не сдѣлалъ къ образованію другого министерства.

Адресъ далѣе отмѣчаетъ, что самая основа норвежской конституціонной монархіи разрушена; рѣшеніе короля обусловливаетъ ликвидацію существующихъ между Швеціей и Норвегіей отношеній на почвѣ уніи. „Мы горячо желаемъ, заявляютъ министры, счастія и благосостоянія обоимъ народамъ, которые до сихъ поръ были связаны уніей, и благодаримъ ваше величество за личное расположеніе, которое вамъ благоугодно было намъ до сихъ поръ оказывать".

Политика короля по вопросу о реорганизаціи консульскаго

законодательства несовмѣстима съ конституціоннымъ режимомъ, никакое другое правительство не расположено взять на себя отвѣтственность за эту политику, а нынѣшній кабинетъ не можетъ принять въ ней участіе, продолжая функціонировать. Въ виду всего этого, министры находятъ, что ихъ прямой долгъ выйти въ отставку. „Таковъ естественный исходъ дѣла".

Норвежскій стортингъ, съ своей стороны, въ засѣданіи 25-го мая принялъ безъ преній и единогласно слѣдующую резолюцію: „Въ виду того, что всѣ члены министерства отказались отъ своихъ должностей; въ виду того, что король заявилъ, что онъ не въ состояніи составить новое правительство, въ виду того, что конституціонная королевская власть этимъ самымъ перестала исполнять свои функціи,—стортингъ поручаетъ членамъ министерства, подавшаго теперь въ отставку, временно облечься властью, принадлежащей королю и, подъ названіемъ норвежскаго правительства, править страною на основаніи конституціи норвежскаго королевства и дѣйствующихъ законовъ, внеся въ нихъ тѣ измѣненія, которыя неизбѣжно вызываются разрывомъ уніи, связывавшей Норвегію со Швеціей подъ властью одного короля, который пересталъ исполнять свои функціи короля норвежскаго". Одновременно съ этой резолюціей стортингъ постановилъ составить адресъ королю Оскару; въ этомъ адресѣ, между прочимъ, дословно повторяется текстъ вышеприведенной резолюціи. Стортингъ особенно настаиваетъ на томъ фактѣ, что характеръ уніи истолковывался двумя народами совершенно различно. Швеція старалась ограничить сферу дѣлъ общихъ обѣимъ странамъ и въ точкѣ зрѣнія, выраженной шведскимъ правительствомъ во время послѣднихъ переговоровъ между обоими государствами, Норвегія не могла не усмотрѣть посягательства на ея права, на ея суверенитетъ и на ея національную честь. Солидарность интересовъ и непосредственное единеніе болѣе цѣнны, чѣмъ политическія узы. Унія стала опасностью для этого единенія. Уничтоженіе уніи не связано съ непріязненнымъ чувствомъ ни по отношенію къ шведскому народу, ни къ династіи, въ доказательство чего стортингъ обращается за содѣйствіемъ къ королю и проситъ о томъ, чтобы одинъ изъ принцевъ его дома, отказавшись отъ своего права на шведскій тронъ, получилъ разрѣшеніе согласиться на выборъ его королемъ норвежскимъ. Въ заключеніе, стортингъ выражаетъ надежду, что новый выборъ короля приготовитъ для Норвегіи новую эру спокойной работы и истинно дружественныхъ отношеній къ народу Швеціи и къ ея королю, къ личности котораго норвежскій народъ неизмѣнно сохранитъ чувства уваженія и преданности".

Разсказываютъ, что засѣданіе стортинга, въ которомъ была принята столь знаменательная резолюція, представляло трогательную картину, когда народные представители, глубоко взволнованные, подхватили слова президента: „Да хранитъ Господь наше отечество“.

Отвѣтомъ на только что приведенный адресъ была слѣдующая телеграмма короля Оскара на имя главы норвежскаго правительства, Михельсена: „Сообщеніе государственнаго совѣта получилъ и рѣшительно протестую противъ образа дѣйствій правительства“.

Вслѣдъ затѣмъ была обнародована прокламація стортинга къ населенію Норвегіи: въ ней выражается надежда, что „норвежскій народъ будетъ жить въ мирѣ и согласіи со всѣми народами, въ особенности со шведскимъ, съ которымъ его связываютъ многочисленныя естественныя узы. Въ твердой увѣренности, что норвежскій народъ станетъ за одно со стортингомъ и правительствомъ для поддержанія полной самостоятельности королевства при сохраненіи прежней твердости, обдуманности и спокойнаго достоинства и охотно принесетъ всѣ жертвы, въ которыхъ можетъ оказаться надобность, стортингъ ждетъ, что каждый подданный будетъ исполнять его приказанія и что всѣ чины, гражданскіе, военные и духовные, во всѣхъ отношеніяхъ будутъ повиноваться правительству, которое имѣетъ право этого требовать на основаніи власти, какою его облекъ стортингъ отъ имени норвежскаго народа“.

Обнародованіемъ этой прокламаціи и обращеннымъ къ королю Оскару ходатайствомъ президента стортинга принятъ въ аудіенціи депутацію, которая должна была вручить королю помянутый выше адресъ, дѣло разрыва уніи и объявленія Норвегіи независимымъ, самостоятельнымъ королевствомъ было закончено.

Въ отвѣтъ на ходатайство президента стортинга, Бернера, о принятіи депутаціи, шведскій король прислалъ ему телеграмму слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ я не признаю революціонныхъ шаговъ, предпринятыхъ стортингомъ съ нарушеніемъ конституціи и прерогативъ королевской власти, то отказываюсь также и принять депутацію. Оскаръ“.

Одновременно съ тѣмъ, шведскій король назначилъ на 7-ое іюня созывъ риксдага въ чрезвычайную сессію для принятія мѣръ противъ „рѣзкаго нарушенія“ норвежскимъ стортингомъ правъ Швеціи. Президенту же стортинга онъ отправилъ очень обширное письмо отъ 28 мая, въ которомъ объяснялъ, что данная имъ присяга править Норвегіею согласно

ея конституціи и законамъ налагаетъ на него обязанность не оставлять безъ возраженія мнѣній, выраженныхъ стортингомъ по поводу отказа его утвердить законъ объ отдѣльныхъ консульствахъ для Норвегіи. Подробными ссылками на основные законы король доказывалъ, что поступить такъ, какъ онъ поступилъ, было его непререкаемымъ правомъ, а что члены норвежской делегаціи въ Стокгольмѣ дѣйствовали, наоборотъ, противно конституціи, отказываясь контрасигнировать королевское рѣшеніе: „Государственнымъ укладомъ Норвегіи является *монархическая* конституція. Поэтому, было бы несовмѣстимо съ этимъ принципомъ, если бы король унизился до положенія безвольнаго орудія въ рукахъ совѣта министровъ... подобное положеніе было бы столь же унизительно для монарха, какъ вредно для самой Норвегіи". Затѣмъ король подробно разбиралъ антиконституціонный образъ дѣйствій норвежскихъ министровъ при подачѣ ими прошенія объ отставкѣ, благодаря чему король остался безъ совѣтниковъ: „Стортингъ одобрилъ подобное нарушеніе конституціи и революціоннымъ постановленіемъ объявилъ, что законный король Норвегіи пересталъ царствовать, а также что унія со Швеціей расторгнута". Король заключалъ свое письмо словами: „Швеціи и мнѣ, какъ королю уніи, принадлежитъ рѣшить, будетъ ли покушеніе, направленное противъ уніи, имѣть послѣдствіемъ законное расторженіе этой уніи. Судъ современниковъ и исторіи произнесетъ рѣшеніе по дѣлу между мною и норвежскимъ народомъ".

Тѣмъ временемъ, восторженное настроеніе разливалось по всей Норвегіи, какъ бы вновь переживавшей весну политической свободы. Правительство, съ своей стороны, принимало разныя мѣры, чтобы закрѣпить происшедшій въ странѣ государственный переворотъ. Одною изъ имѣвшихъ такую цѣль церемоній и привлекшей около тридцати тысячъ народа, была перемѣна флага, происшедшая въ присутствіи членовъ стортинга въ крѣпости Окерхюсъ, въ Христіаніи; когда пробило 10 часовъ, шведско-норвежскій флагъ былъ спущенъ при салютѣ и звукахъ музыки. Послѣ этого былъ поднятъ норвежскій флагъ. Войска снова взяли на караулъ, музыка заиграла національный гимнъ и раздался орудійный салютъ. Комендантъ крѣпости провозгласилъ пожеланіе благоденствія отечеству, а присутствующіе разразились долго не смолкавшими радостными кликами „ура", привѣтствовавшими рожденіе флага независимой Норвегіи.

IV.

Быстрота, съ которой расторгнута была унія, существовавшая почти сто лѣтъ между Швеціей и Норвегіей, могла бы показаться нѣсколько необъяснимой, если бы консульскій вопросъ былъ единственнымъ яблокомъ раздора, раздѣлявшимъ оба государства. Въ дѣйствительности, онъ скорѣе былъ поводомъ или во всякомъ случаѣ одною изъ причинъ того обостреннаго положенія, которое накипало постепенно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Конечно, при добромъ желаніи съ обѣихъ сторонъ, очень вѣроятно, что была бы найдена почва, на которой и этотъ вопросъ могъ найти себѣ практическое разрѣшеніе, равно пріемлемое для обѣихъ сосѣднихъ странъ. Но какъ въ семьяхъ, въ которыхъ пробѣжала черная кошка раздора, достаточно пустяка, чтобы въ домѣ поднялся дымъ коромысломъ, такъ и накапливавшійся между Швеціей и Норвегіей горючій матеріалъ ждалъ лишь искры, чтобы вспыхнуть яркимъ пламенемъ и вскорѣ затѣмъ освѣтить однѣ лишь развалины зданія, съ такимъ трудомъ сооруженнаго великодержавными строителями.

Швеція и Норвегія не имѣли общаго историческаго прошлаго: въ теченіе столѣтій онѣ неоднократно встрѣчались на поляхъ сраженій, но всегда какъ враги. Дисгармонія въ обоюдныхъ соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ интересахъ едва сознавалась въ 1814 году; въ моментъ подписанія Мосской конвенціи Норвегія, по сравненію съ своей сосѣдкой, была слабымъ, обнищавшимъ государствомъ, съ малымъ населеніемъ, съ громаднымъ государственнымъ долгомъ и весьма отсталою культурою. Но эта дисгармонія дала себя чувствовать со второй половины XIX столѣтія съ расцвѣтомъ въ Норвегіи торговли и промышленности,—съ появленіемъ вліятельной денежной аристократіи, смѣнившей прежнюю родовую, и съ началомъ быстраго развитія въ Шве-

ціи сельскаго хозяйства и добывающей промышленности, приведшаго къ образованію и господству партіи аграріевъ.

Въ особенности за послѣднія тридцать лѣтъ Норвегія сдѣлала громадные культурные успѣхи. Ея населеніе увеличилось противъ 1814 г. почти втрое, государственный долгъ былъ погашенъ въ 1850 году, прямые налоги были отмѣнены, а торговый флотъ занялъ четвертое мѣсто въ спискѣ флотовъ всего міра. Вообще, Норвегія можетъ считаться одною изъ наиболѣе передовыхъ и демократическихъ націй въ Европѣ: норвежцы пользуются всеобщимъ правомъ выборовъ, у нихъ введенъ прогрессивный подоходный налогъ, ихъ уголовное уложеніе признается, какъ наиболѣе гуманное и совершенное, имена ихъ писателей и музыкантовъ гремятъ по всему міру.

Многіе полагали, что родство по происхожденію и языку служатъ болѣе прочнымъ соединительнымъ звеномъ между шведами и норвежцами, чѣмъ даже связующія ихъ звенья юридическія. Но, во-первыхъ, родство это совсѣмъ не такъ близко, какъ это полагаютъ внѣ Скандинавіи, а во-вторыхъ, различіе обоихъ народовъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ настолько рѣзко, что оно имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели родство расы и языка. На всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности норвежцы стоятъ гораздо ближе къ датчанамъ, нѣмцамъ, англичанамъ и французамъ, нежели шведы. Государственное устройство обоихъ народовъ существенно различается другъ отъ друга—Норвегія ультра-демократическое государство, Швеція же склоняется къ чистому феодализму. Въ Швеціи король имѣетъ абсолютное veto, въ Норвегіи лишь задерживающее. Шведскій риксдагъ можетъ быть распущенъ королемъ, а норвежскій стортингъ не можетъ. Въ Швеціи двухпалатная система, въ Норвегіи однопалатная.

Прошлымъ лѣтомъ въ „Berliner Tageblatt“ было напечатано письмо Бьернстерне-Бьернсона, который находитъ, что одна изъ главныхъ причинъ разрыва уніи между Норвегіей и Швеціей заключается въ различіи организаціи народнаго представительства обѣихъ странъ. Въ Норвегіи дѣйствуетъ всеобщее избирательное право, которое предоставлено 20 проц. населенія, въ Швеціи же дѣйствуетъ цензовая система съ большими ограниченіями, благодаря чему избирательнымъ правомъ пользуется лишь 8,5 проц. всего населенія. Вторая же шведская палата является представительницею только богатаго класса: стать ея членомъ можетъ лишь тотъ, кто въ

теченіе трехъ лѣтъ предъ выборами владѣлъ собственностью въ 80.000 кронъ, или же пользовался годовымъ доходомъ въ 4.000 кронъ.

Въ смыслѣ бытовыхъ отношеній норвежцы постоянно жаловались на чванливость къ нимъ со стороны шведовъ: „Они насъ называли не иначе, какъ „мужицкимъ народомъ", несмотря на то, что этотъ мужицкій народъ уже въ 1872 году могъ праздновать тысячелѣтіе своей государственности, основанной гораздо раньше, чѣмъ шведы стали культурнымъ народомъ. Изъ періода же древняго нашего расцвѣта мы сохранили великолѣпный литературный памятникъ—наши саги—памятникъ, которымъ можетъ гордиться любой народъ".

Экономическіе интересы точно также не объединяли Швеціи и Норвегіи, такъ какъ съ отмѣною одинаковаго для обоихъ государствъ закона о торговлѣ, они потеряли значеніе связи.

Въ теченіе минувшаго вѣка государственная жизнь Норвегіи ознаменовалась огромнымъ подъемомъ народнаго благосостоянія и развитіемъ внѣшней торговли, причемъ съ переходомъ Швеціи въ 1880 году къ протекціонизму, Норвегія продолжала оставаться вѣрною принципу свободной торговли. Это обстоятельство, приводя къ необходимости заключенія отдѣльныхъ торговыхъ трактатовъ для каждаго изъ скандинавскихъ государствъ, особенно осложнялось тѣмъ, что большинство консульскихъ должностей было занято шведами, естественно отстаивавшими болѣе имъ близкіе торговые интересы Швеціи въ ущербъ интересамъ Норвегіи.

Обширная заморская торговля Норвегіи и ростъ норвежской промышленности нуждались въ защитѣ торговыхъ и правовыхъ интересовъ Норвегіи заграницей. Во многихъ заграничныхъ городахъ шведы конкурируютъ съ норвежцами; при такомъ положеніи дѣлъ личный составъ консульствъ имѣетъ большое значеніе, а между тѣмъ шведы, успѣвшіе заручиться сильнымъ вліяніемъ на общія дѣла соединенныхъ королевствъ и имѣвшіе своего министра иностранныхъ дѣлъ, не допускали назначенія консуловъ изъ норвежцевъ какъ разъ въ такихъ торговыхъ центрахъ. Въ Ригѣ, напр., консуломъ, вопреки протестамъ Норвегіи, состоялъ шведъ, хотя въ этомъ городѣ сталкиваются противоположные шведскіе и норвежскіе торговые интересы.

Доказывая настоятельную необходимость закона объ отдѣльныхъ консульствахъ, норвежскіе руководители говорили:

„Дѣло идетъ не объ эфемерномъ престижѣ только, а о существеннѣйшихъ народныхъ интересахъ: съ Швеціей мы не только не солидарны, но даже конкурируемъ, какъ напр. въ вывозѣ лѣса. А консулы, назначенные изъ шведовъ для защиты заграничныхъ интересовъ той и другой страны сообща, покровительствовали только шведскому вывозу, но не нашему норвежскому. Или вотъ другой примѣръ, еще болѣе разительный—торговое мореплаваніе. Норвегія, кромѣ рыболовства только тѣмъ и живетъ, что перевозитъ по морямъ на своихъ пароходахъ чужіе товары; ея торговый флотъ занимаетъ четвертое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ и въ три раза больше шведскаго торговаго флота. А что дѣлали наши „общіе“ шведско-норвежскіе консулы? Они заграницей рекомендовали и поддерживали только шведскихъ пароходовладѣльцевъ: въ какомъ нибудь Гаврѣ шведскіе пароходы нагружены сверху до низу, сами же шведскіе пароходовладѣльцы просятъ нашихъ уступить имъ пароходъ на прокатъ, а наши норвежскіе пароходы стоятъ тамъ пустыми! Вотъ почему мы требовали, чтобы у Норвегіи были за границей свои чисто норвежскіе консулы отдѣльно отъ шведскихъ. Невыгодна намъ эта однобокая унія. Намъ, какъ и шведамъ, выгоднѣе сойтись снова въ будущемъ, уже какъ двѣ самостоятельныхъ державы. Иначе вѣдь и той и другой странѣ придется быть всегда готовой на два фронта“.

Любопытно замѣтить, что, судя по одному изъ писемъ Бьерстерне-Бьернсона, появившемуся одновременно въ „Neue Freie Presse“ и въ „Echo de Paris“, первоначальный мотивъ къ разногласіямъ между Швеціей и Норвегіей косвенно созданъ былъ Англіей, потребовавшей у шведской дипломатіи вознагражденія за мнимые убытки, причиненные ей будто бы норвежскими контрабандистами. Къ великому негодованію Норвегіи, Швеція нашла возможнымъ удовлетворить это оскорбительное для ея союзницы требованіе. Съ того времени началась систематическая борьба Норвегіи за ея законныя права, отвоеванныя постепенно, благодаря правосознанію и настойчивости норвежскаго народа, а именно: право имѣть отдѣльный флагъ, упоминать въ норвежскихъ актахъ названіе Норвегіи раньше Швеціи и т. д.—словомъ, всѣ тѣ непріятности для Швеціи, которыя завершились „скандаломъ въ благородномъ семействѣ“ минувшаго лѣта.

Во всякомъ случаѣ, если соединеніе между скандинавскими королевствами приравнивали къ понятію брака по расчету,

то расторженіе между ними уніи можно, послѣ всего разсказаннаго выше, пріурочить къ разводу, состоявшемуся изъ-за несходства характеровъ, или по французской терминологіи—„l'incompatibilité d'humeur".

Отсутствіе взаимной нѣжности въ отношеніяхъ, существовавшихъ за послѣднее время между Швеціей и Норвегіей, наглядно иллюстрируется совѣтомъ, который далъ королю Оскару недавно скончавшійся генералъ Лагербергъ, комендантъ Стокгольма и старый другъ короля, бывшій съ нимъ на „ты".

Персидскій шахъ посѣтилъ Стокгольмъ и привезъ королю весьма драгоцѣнные подарки. Король былъ въ крайнемъ затрудненіи, чѣмъ именно отдарить шаха: „Нужно что-нибудь драгоцѣнное", что могу подарить только я одинъ, и при томъ такое, безъ чего я могъ бы обойтись".

Генералъ Лагербергъ отвѣтилъ на это коротко и ясно: „Подари ему Норвегію..."

V.

Не желая оставаться подъ тяжестью упрековъ, сдѣланныхъ ему шведскимъ королемъ, стортингъ, въ своемъ засѣданіи отъ 6-го іюня принялъ слѣдующій адресъ королю Оскару и шведскому риксдагу:

„Государь, норвежскій стортингъ почтительнѣйше докладываетъ вашему величеству и чрезъ посредство вашего величества шведскому риксдагу и шведскому народу о слѣдующемъ: то, что произошло въ Норвегіи, является неизбѣжнымъ результатомъ политическихъ событій послѣдняго времени и не можетъ быть измѣнено. Ни Швеція, ни Норвегія не желаютъ вернуться къ старому порядку вещей, поэтому, стортингъ не считаетъ нужнымъ разсматривать различные вопросы, касающіеся конституціи и государственнаго права, упомянутые въ письмѣ вашего величества на имя президента стортинга въ связи съ рѣшеніями, имъ принятыми. По поводу этихъ рѣшеній стортингъ и норвежское правительство высказались подробно уже раньше.

„Стортингъ вполнѣ понимаетъ трудность положенія вашего величества и ни на минуту не сомнѣвается, что рѣшенія вашего величества были приняты въ соотвѣтствіи съ вашими взглядами на права и обязанности короля. Стортингъ рѣшилъ обратиться съ воззваніемъ къ вашему величеству, къ риксдагу и къ шведскому народу, ища его содѣйствія для мирнаго осуществленія нашего проекта разрыва уніи, пред-

принятаго съ цѣлью гарантировать дружбу и согласіе между двумя народами Скандинавскаго полуострова. Изъ деклараціи, послѣдовавшихъ въ Швеціи, стортингъ усматриваетъ, что рѣшеніе о разрывѣ уніи между обоими королевствами, принятое въ соотвѣтствіи съ его долгомъ по отношенію къ отечеству, по своей формѣ было признано оскорбительнымъ для Швеціи. Такихъ намѣреній Норвегія никогда не питала. То, что случилось и что должно было случиться, представляетъ собою лишь торжество конституціонныхъ правъ Норвегіи, но народъ норвежскій никогда не имѣлъ въ виду оскорблять Швецію.

„Когда ваше величество въ совѣтѣ министровъ 14 мая объявили, что не можете дать свою санкцію единогласному рѣшенію стортинга объ образованіи самостоятельной норвежской консульской организаціи, и когда ваше величество отказались дать Норвегіи новое правительство, конституціонный порядокъ въ Норвегіи былъ до такой степени нарушенъ, что унія уже не могла болѣе держаться. Норвежскій стортингъ принужденъ былъ незамедлительно учредить правительство. Другого исхода не было, тѣмъ болѣе, что шведское правительство вашего величества уже 12 апрѣля безусловно отвергло новые переговоры, въ перспективѣ рисовавшіе разрывъ уніи, въ случаѣ если бы не удалось придти къ соглашенію.

„Стортингъ уже ранѣе высказался въ томъ смыслѣ, что норвежскій народъ не питаетъ никакой злобы или неудовольствія по отношенію къ вашему величеству или къ шведскому народу. Противоположныя мнѣнія, которыя въ иныхъ случаяхъ могли быть высказаны, являются результатомъ общаго недовольства положеніемъ Норвегіи въ уніи. Такъ какъ мотивы недовольства съ разрывомъ уніи исчезаютъ, то вмѣстѣ съ ними исчезнутъ и всякаго рода непріятности. Сотрудничество на поприщѣ матеріальныхъ и духовныхъ благъ въ продолженіе 90 лѣтъ, развило у норвежскаго народа чувство искренней дружбы и симпатіи къ народу шведскому. Отнынѣ Норвегія уже не находится въ томъ унизительномъ для ея національной независимости положеніи, которое переживала раньше; отсюда слѣдуетъ, что чувства дружбы и симпатіи къ Швеціи только укрѣпятся и усилятся, упрочивъ взаимныя отношенія между обоими народами.

„Въ полной увѣренности, что шведскій народъ раздѣляетъ это мнѣніе, стортингъ проситъ конституціонное шведское правительство признать новое положеніе Норвегіи и право ея, какъ суверенаго государства, на веденіе переговоровъ, не-

обходимыхъ для окончательной ликвидаціи нынѣ законченныхъ уніонистскихъ отношеній. Съ своей стороны, стортингъ готовъ удовлетворить всякое справедливое и разумное желаніе, которое въ данномъ случаѣ могло бы быть высказано съ цѣлью обезпечить независимость и неприкосновенность правъ обоихъ скандинавскихъ государствъ. Съ точки зрѣнія государственнаго права, Швеція и Норвегія отдѣлены другъ отъ друга, но стортингъ вполнѣ увѣренъ, что при этомъ новомъ порядкѣ вещей возникнутъ добрыя отношенія, основанныя на началахъ взаимнаго довѣрія, для защиты общихъ интересовъ обоихъ народовъ, если только неизбѣжная ликвидація прежнихъ отношеній совершится мирно, безъ какихъ-либо проявленій горечи. Стортингъ убѣжденъ, что послѣднія событія послужатъ къ прочному счастью сѣверныхъ народовъ. Во имя Сѣвера, стортингъ обращается съ этимъ воззваніемъ къ народу, который, благодаря своему великодушію и рыцарскимъ чувствамъ, завоевалъ себѣ столь завидное положеніе среди другихъ европейскихъ націй. Норвежскій народъ всѣмъ сердцемъ желаетъ поддерживать добрыя отношенія съ народомъ шведскимъ".

Чтобы еще болѣе подчеркнуть свое нежеланіе огорчать короля Оскара, стортингъ послалъ ему поздравительную телеграмму въ день бракосочетанія принца Густава-Адольфа шведскаго на дочери принца Коннаутскаго.

Тѣмъ не менѣе, король въ опубликованномъ по его распоряженію посланіи къ шведскому народу, между прочимъ, говорилъ: „Революція, произведенная государственнымъ совѣтомъ и норвежскимъ стортингомъ противъ короля и братскаго народа, путемъ которой нарушены клятвенные священные законы, причиняетъ моему сердцу глубокую неизлечимую рану".

Воинственное настроеніе стало охватывать шведовъ. Газета „Swenska Dagblatt", для внушенія Норвегіи должнаго уваженія, совѣтовала собрать для производства маневровъ достаточное количество войскъ въ южной и средней Швеціи и привести въ готовность эскадру для наблюденія за западнымъ побережьемъ, а газета „Stockholms Tidningen" выражала мнѣніе, что Швеція не должна оставаться беззащитной, въ виду разрыва Норвегіей уніи и ея вооруженій противъ своей недавней союзницы, и что она должна озаботиться приведеніемъ своихъ оборонительныхъ средствъ въ состояніе, отвѣчающее ихъ назначенію. И дѣйствительно, Швеція распорядилась оставить на службѣ матросовъ, которые по закону уже должны были выйдти въ запасъ, а шведская эскадра вышла въ Гёте-

боргъ для производства маневровъ; кромѣ того, по слухамъ предстояла еще частичная мобилизація арміи.

Въ свою очередь и Норвегія начала собирать войска на границѣ Швеціи; около 3000 чел. были направлены къ рѣкѣ Гломменъ. Изъ Дронтгейма на границу выступили 2000 чел. пѣхоты, а у входа въ дронтгеймскій фіордъ стали одна канонерка и флотилія миноносцевъ.

Въ виду возможности войны между Швеціей и Норвегіей, иностранныя газеты подсчитали силы обоихъ королевствъ.

Швеція имѣетъ дѣйствительную армія въ 66,917 челов., 273,083 запасныхъ и 179,000 чел., числящихся въ народномъ ополченіи. Норвегія же имѣетъ дѣйствительную армію въ 31,000 чел., которая можетъ быть усилена народнымъ ополченіемъ въ 51,000 чел. Флотъ Швеціи состоитъ изъ 71 военнаго судна, въ томъ числѣ 10 броненосцевъ, а флотъ Норвегіи изъ 51 судна, между которыми 4 броненосца.

Благоразумные элементы въ Швеціи сочли долгомъ бороться противъ воинственныхъ теченій: они доказывали, что война была бы безразсудна, потому что Швеція, не взирая на численное превосходство своихъ военныхъ силъ, отнюдь не можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ; во-первыхъ, ей предстояло бы вести наступательную войну, которая, въ виду гористости страны и, главное, страстнаго стремленія норвежцевъ къ свободѣ, обѣщаетъ быть долгою и разорительною; во-вторыхъ, Норвегія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ усиленно готовилась ко всякимъ случайностямъ и въ настоящее время ея боевыя средства мало уступаютъ, отчасти даже превосходятъ военную силу Швеціи, которая за это же время направляла свои вооруженія преимущественно въ другую, противоположную Норвегіи сторону: на восточную и сѣверныя границы, гдѣ ей постоянно чудилось появленіе казацкой пики. Вдобавокъ, война съ Норвегіей была бы безцѣльна потому, что въ случаѣ, если бы Швеція одержала даже полную побѣду надъ Норвегіею и еще болѣе ограничила ея самостоятельность, она ничего не выгадала бы, а наоборотъ, нажила бы себѣ только вѣчнаго и непримиримаго врага, который всегда будетъ причинять ей хлопоты и непріятности, служа вѣчною угрозою миру въ Скандинавіи.

8-го іюня была открыта лично королемъ Оскаромъ и при особо торжественной обстановкѣ, чрезвычайная сессія шведскаго риксдага. Въ своей тронной рѣчи король сказалъ:

„Мнѣ очень непріятно видѣть, какъ королевство, которое, въ теченіе почти столѣтія, было связано со Швеціею законными узами, теперь принимаетъ мѣры, чтобы порвать эти узы,

наперекоръ моей волѣ и несмотря на торжественныя соглашенія. Меня обвиняли въ томъ, что я, нарушивъ конституцію, вызвалъ эти мѣры. Однако, я поступалъ согласно тому, что приказывала моя совѣсть, и я убѣжденъ, что всякій, кто будетъ судить безпристрастно, скажетъ, что я правъ, и найдетъ, что мой способъ дѣйствій, оставаясь вполнѣ въ предѣлахъ, установленныхъ конституціею, былъ вызванъ моею заботою объ истинномъ благѣ обоихъ королевствъ. Послѣднія событія не только являются нарушеніемъ моихъ правъ, какъ короля норвежскаго: они направлены къ тому, чтобы разбить унію, существующую съ Швеціею на основаніи соглашенія. Они поэтому въ наиболѣе сильной мѣрѣ касаются шведской націи, и вотъ поэтому я васъ поспѣшилъ созвать, чтобы вмѣстѣ съ вами обсудить, какія мѣры стали необходимы вслѣдствіе рѣшенія стортинга, и какъ легче всего покончить съ неудобствами, отсюда вытекающими для Швеціи. Я прошу васъ совершенно оставить мысль о мѣрахъ насильственныхъ. Какъ бы важна ни была унія для безопасности скандинавскихъ націй, она не стоитъ жертвъ, которыхъ потребовали бы такія мѣры. Кромѣ того, унія, поддержанная силою, была бы безполезна для Швеціи. Пусть, напротивъ, шведскій народъ руководствуется своимъ хладнокровіемъ и мудростью, и пусть Богъ дастъ Швеціи силу и необходимое единство, чтобы найти у себя самой то, что грозитъ отнять у нея разрушеніе уніи".

Шведское правительство въ этомъ же засѣданіи внесло предложеніе, прося разрѣшенія риксдага начать переговоры съ норвежскимъ стортингомъ, и установить условное разрѣшеніе вопросовъ, которое явится необходимымъ, въ случаѣ разрыва уніи.

Слѣдуетъ замѣтить, что, когда предложеніе это разсматривалось предварительно въ государственномъ совѣтѣ, первый министръ заявилъ, что прибѣгать къ мѣрамъ насилія не входитъ въ интересы Швеціи, и высказался за переговоры съ Норвегіей, въ виду желательности установить гарантіи мирной совмѣстной жизни и найти разумный выходъ изъ труднаго и запутаннаго положенія. „Во всякомъ случаѣ,—сказалъ г. Рамстедтъ,—переговоры необходимы, чтобы распутать положеніе и окончательно разрѣшить сложные вопросы; все это отлично можетъ быть сдѣлано при посредствѣ делегатовъ. Только послѣ условнаго разрѣшенія вопроса Швеція могла бы заняться и вопросомъ о конечномъ одобреніи разрыва и уничтоженіи акта уніи". Прочіе члены государственнаго совѣта примкнули къ мнѣнію перваго министра, послѣ чего король

и произнесъ слѣдующія слова: „Государственный совѣтъ побуждаетъ меня къ тяжелому шагу. Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что во все время своего долгаго царствованія я неуклонно стремился къ цѣли, которую избралъ при вступленіи на престолъ—благо двухъ родственныхъ народовъ. Для меня поистинѣ тяжело содѣйствовать расторженію союза, въ которомъ я всегда видѣлъ залогъ независимости, безопасности и счастія для соединенныхъ королевствъ. Если, тѣмъ не менѣе, я соглашаюсь на этотъ шагъ, то лишь съ тѣмъ, чтобы избѣжать еще большаго зла и потому еще, что я вѣрю, что унія безъ взаимнаго согласія не дастъ Швеціи никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ".

Ни тронная рѣчь короля, ни предложеніе министерства не встрѣтили сочувствія ни одной изъ палатъ риксдага. Въ особенности непримирима была верхняя палата, которая настаивала на предъявленіи ультиматума Норвегіи, не вступая съ ней въ переговоры. Многіе ораторы, по преимуществу изъ консерваторовъ, рѣзко высказывались противъ переговоровъ, упрекая правительство за неопредѣленную, колеблющуюся и гибельную для Швеціи политику, и внесли предложеніе объ ассигнованіи правительству 100 милліоновъ кронъ на случай войны съ Норвегіею.

Депутатъ Гаммаршельдъ заявилъ, что „вся Швеція въ поступкѣ норвежскаго стортинга видитъ тяжкое оскорбленіе себѣ и нарушеніе своихъ правъ. Нація получила пощечину, но это только возвыситъ ее". Ораторъ порицалъ правительство, которое не хочетъ считаться съ точкой зрѣнія народа: „я не сторонникъ крайнихъ мѣръ, тѣмъ менѣе войны, но лучше ужъ самое крайнее, чѣмъ видѣть, какъ Швецію топчутъ ногами".

Первый министръ возразилъ на эту рѣчь, что отъ войны Швеція ничего не выиграетъ, министръ же юстиціи напомнилъ, что нежелательность насильно принуждать Норвегію къ сохраненію уніи единодушно признана всѣми: „Правительственный проектъ называютъ проявленіемъ слабости, напротивъ,—было бы слабостью со стороны правительства поддаться уговорамъ сторонниковъ крутыхъ мѣръ. Это было бы вступленіемъ на опасный путь; несравненно предпочтительнѣе—сохранить хладнокровіе. Путь, избранный правительствомъ—наилучшій".

Въ концѣ концовъ нижняя палата риксдага рѣшила передать разсмотрѣніе правительственнаго проекта особой комиссіи, въ составъ которой должны войти представители отъ обѣихъ палатъ.

Положеніе шведскаго правительства было довольно затруднительно, Рамстедтъ хотѣлъ выходить въ отставку и преемникомъ ему называли графа Дугласа, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, который въ свое время вышелъ въ отставку, не желая дѣлать уступокъ Норвегіи по вопросу о флагѣ безъ знака уніи.

Слухи обо всемъ происходившемъ въ Стокгольмѣ сильно волновали Норвегію; въ виду этого, мобилизація норвежской арміи была вполнѣ подготовлена и, въ случаѣ необходимости, могла быть произведена немедленно. Во всѣхъ главныхъ портахъ Норвегіи производились артиллерійскія ученія и практическія упражненія съ минами. Личный составъ флота былъ удвоенъ противъ обычнаго числа. Всѣ богатые норвежцы, въ томъ числѣ и первый министръ Михельсенъ, предложили, въ случаѣ возникновенія войны, предоставить свои капиталы въ распоряженіе министерства финансовъ.

Тонъ норвежской печати былъ, однако, полонъ сдержанности и достинства, выгодно отличаясь отъ рѣзкихъ выходокъ и страстныхъ нападокъ шведскихъ газетъ на „мятежный“ норвежскій народъ, который нужно силою заставить уважать заключенные договоры. „Morgenbladet“ говоритъ: „Обидныя слова о Норвегіи и норвежскомъ народѣ, скрѣпленныя оффиціальнымъ утвержденіемъ въ первой и второй палатахъ риксдага, не заставятъ насъ вступить на тотъ же путь. Мы попробуемъ судить не по словамъ, а по дѣламъ. Изъ всѣхъ заявленій, сдѣланныхъ Швеціей за послѣднее время, для норвежцевъ ясно только одно, что происшедшее 25 мая событіе было исторической, національной и политической необходимостью“.

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, комиссія, избранная шведскимъ риксдагомъ для разработки вопросовъ относительно условій, на которыхъ могло бы состояться расторженіе уніи между Швеціей и Норвегіей, пришла къ рѣшенію, что вопросъ о расторженіи уніи могъ бы быть разрѣшенъ послѣ того, когда за это расторженіе выскажется или норвежскій стортингъ послѣ его распущенія и новыхъ выборовъ, или же весь норвежскій народъ, путемъ всеобщаго голосованія.

Къ такому способу рѣшенія вопроса присоединился какъ весь шведскій риксдагъ, такъ затѣмъ и норвежское правительство. Къ участію въ голосованіи, которое должно было произойти 31 іюля, должны были быть допущены всѣ норвежцы, внесенные въ избирательные списки, по которымъ происходили послѣдніе выборы въ стортингъ, причемъ лица, пріобрѣвшія избирательныя права позднѣе послѣднихъ выбо-

ровъ, подлежатъ внесенію въ списки по ихъ просьбѣ. Голосованіе должно было происходить самымъ простымъ способомъ посредствомъ записокъ, на которыхъ будетъ написано только „да“ или „нѣтъ“; результаты голосованія немедленно передаются въ министерство юстиціи, а затѣмъ, послѣ подсчета голосовъ, въ стортингъ.

День народнаго голосованія прошелъ въ Христіаніи очень оживленно, съ 7 часовъ утра улицы были переполнены празднично одѣтыми горожанами, музыка играла со всѣхъ колоколенъ, а толпы выборщиковъ одна за другою направлялись къ своимъ участкамъ. Повсюду виднѣлось цѣлое море головъ, всюду царило оживленіе и шумъ.

Голосованіе было тайнымъ. Граждане брали бумажку, писали на ней свою волю и опускали бумажку въ урну. За унію съ Швеціей было подано 184 и противъ уніи 368.200 голосовъ. Отнынѣ уже не могло быть сомнѣній, чего именно желаетъ весь норвежскій народъ.

VI.

Какъ только выяснился результатъ народнаго голосованія, Швеція и Норвегія назначили своихъ делегатовъ въ конференцію, призванную всесторонне обсудить условія расторженія уніи между обоими скандинавскими государствами. Конференція собралась въ шведскомъ городѣ Карлстадтѣ. Хотя переговоры, по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ, происходили въ закрытыхъ засѣданіяхъ и при соблюденіи строгой тайны, тѣмъ не менѣе, въ иностранную печать проникло свѣдѣніе, что первое же засѣданіе конференціи, состоявшееся 19 августа, возбудило тревожное настроеніе. Делегаты Швеціи, отказавшись признавать законными событія, происшедшія послѣ 25 мая, будто бы заявили, что они не могутъ признать современнаго правительства Норвегіи „самостоятельнымъ“, но считаютъ его „временнымъ“, управляющимъ страною лишь въ теченіе отсутствія короля. Заявленія эти вызвали сильное волненіе среди норвежскаго населенія, снова заговорившаго о мобилизаціи. Корреспондентъ „Matin“ изъ Христіаніи усмотрѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ толчокъ къ провозглашенію въ Норвегіи республики, вызванный высокомѣрнымъ и даже оскорбительнымъ отношеніемъ Швеціи къ норвежскому правительству.

Въ основу работъ шведско-норвежской конференціи поло-

жено было обсужденіе программы, выработанной шведскимъ риксдагомъ и содержавшей въ себѣ два главнѣйшихъ условія для достиженія прочнаго соглашенія между обоими государствами. Первымъ условіемъ къ тому была поставлена необходимость упраздненія пограничныхъ укрѣпленій Норвегіи, въ которыхъ Швеція не можетъ не видѣть угрозы для себя и опасности возникновенія для обоихъ народовъ при растор, женіи уніи того невыносимаго положенія, при которомъ является какъ бы скрытая война въ формѣ соперничества въ вооруженіяхъ.

Вторымъ, не менѣе серьезнымъ условіемъ гарантіи мира между обѣими странами программа шведскаго риксдага признавала урегулированіе вопроса о правѣ перекочевокъ шведскихъ лопарей. Это право, упорядоченное послѣ войны Швеціи съ Даніей и Норвегіей особымъ соглашеніемъ, состоявшимся еще во второй половинѣ XVIII вѣка, было подтверждено послѣ уніи Швеціи съ Норвегіей соглашеніемъ, простирающимъ свое дѣйствіе до 1907 года. Шведскій риксдагъ, желая окончательнаго урегулированія лапландскаго вопроса, признаетъ неизбѣжность возникновевенія крупнаго конфликта съ Норвегіей въ случаѣ, если послѣдняя рѣшитъ принять послѣ 1907 года какія-либо стѣснительныя мѣры противъ шведскихъ лопарей.

Вблизи шведской границы находятся четыре норвежскихъ крѣпости, расположенныя вдоль наиболѣе южной части границы между обоими скандинавскими королевствами на протяженіи какихъ-нибудь 120—130 километровъ прямого пути. Южная изъ этихъ крѣпостей—Фредрикстенъ лежитъ при впаденіи р. Тисдедаль въ Идефіордъ, составляющій послѣднюю выходную бухту христіанійскаго фіорда, командующую надъ морскимъ путемъ изъ Швеціи. Сѣверная же изъ крѣпостей Конгсвингеръ, перехватывающая наиболѣе сѣверную дорогу изъ Швеціи, расположена на многоводной рѣкѣ Гломменъ. Между этими двумя крайними точками, недалекими другъ отъ друга и составляющими какъ бы ключи къ столицѣ Норвегіи, расположены два форта — Эрье на югѣ и Урскугъ на сѣверѣ— оба новѣйшаго происхожденія, а именно съ 1901 года, когда норвежскій стортингъ принялъ проектъ сооруженія цѣлой системы укрѣпленій, опирающихся на обоихъ флангахъ на крѣпости Конгсвингеръ и Фредрикстенъ и добился его осуществленія, не смотря на противодѣйствіе шведскаго правительства, понявшаго опасное для себя значеніе этого проекта.

Что касается Консвингера и въ особенности Фредрикстена,

то эти крѣпости имѣютъ скорѣе значеніе историческихъ памятниковъ, весьма дорогихъ норвежцамъ. Фредрикстенъ, составляющій предмѣстье города Фредриксгальда, самаго южнаго изъ норвежскихъ городовъ, воздвигнутъ какъ опора Даніи противъ Швеціи въ 1661 г. королемъ Фридрихомъ III, первымъ наслѣдственнымъ, а не избираемымъ монархомъ Даніи. Крѣпость эта играла всегда выдающуюся роль въ продолжительныхъ войнахъ между Швеціей и Даніей, переходя изъ однѣхъ рукъ въ другія, но наибольшую извѣстность она пріобрѣла благодаря тому, что подъ ея стѣнами погибъ 11 декабря 1718 года знаменитый противникъ Петра, Карлъ XII. Памяти этого царственнаго кондотьера посвящена поставленная въ Фредрикстенѣ шведами пирамида съ начертаннымъ на ней четверостишіемъ Тегнера: „одинаковый въ счастьи и несчастьи, онъ самъ создавалъ свою судьбу, онъ не могъ сгибаться, а могъ лишь падать“.

Конгсвингеръ, основанный съ 1683 г. Христіаномъ V, былъ въ свое время грозною опорою Христіаніи и датскихъ притязаній и фигурировалъ въ качествѣ послѣдняго ресурса Норвегіи предъ ея присоединеніемъ къ Швеціи въ 1814 году.

Не принимая утвержденій Норвегіи, что ея укрѣпленія предназначены къ удержаніе противника при его вторженіи въ страну черезъ Швецію, адресъ шведскаго риксдага, представленный королю 15 іюля нынѣшняго года, говорилъ: „Для обоихъ народовъ является одинаково важнымъ, чтобы расторженіе уніи не повлекло за собой опасности для сохраненія мира на Скандинавскомъ полуостровѣ. Поэтому, все то, что можетъ явиться угрозой для неприкосновенности каждой изъ договаривающихся сторонъ должно быть уничтожено; въ частности должны быть срыты крѣпости, выстроенныя норвежцами на нашей границѣ и должна быть устроена между двумя государствами нейтральная полоса“.

Проф. Нильсъ Эденъ въ своей брошюрѣ „Шведская программа“ подробно разбираетъ современное значеніе норвежскихъ крѣпостей: „Возстановленіе Фредрикстена и Конгсвингера, по самому существу своему, не могло быть направлено ни противъ кого другого, какъ противъ Швеціи. Крѣпости эти и въ прежнія времена играли роль лишь въ войнахъ противъ Швеціи, а не противъ другихъ державъ; онѣ были упразднены, когда унія сдѣлала Швецію и Норвегію сестрами, онѣ оказались возстановленными, когда въ Норвегіи стали думать о разрывѣ. Если нужно еще доказательство въ пользу такого взгляда, то его даютъ двѣ новыя крѣпости, вдвинутыя

между обѣими старыми. Укрѣпленія Эрье расположены всего въ 5—6 километрахъ отъ границы въ томъ мѣстѣ, гдѣ узкій проходъ между озерами и лѣсистыми горами ведетъ изъ Швеціи въ Норвегію. Совершенно такое же положеніе въ узлѣ пограничныхъ дорогъ занимаетъ Урскугъ (Дингерудъ). Вмѣстѣ, эти четыре крѣпости образуютъ цѣпь, замыкающую всѣ болѣе важные пути изъ южной Швеціи, въ томъ числѣ и двѣ желѣзныя дороги, пересѣкающія границу въ этой части полуострова и выходящія—одна изъ Фредрикстена, другая—изъ Конгсвингера... Стоитъ лишь взглянуть на географическое положеніе крѣпостей, чтобы понять, что онѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, могутъ найти себѣ примѣненіе только противъ Швеціи. Говорилось, что онѣ должны запереть дорогу врагу, который захотѣлъ бы напасть на Норвегію, черезъ Швецію. Съ расторженіемъ уніи эта возможность исчезаетъ, потому что Швеція и Норвегія перестаютъ быть единымъ цѣлымъ въ политическомъ и военномъ отношеніи. Держава, которая захочетъ напасть на Норвегію, въ своихъ собственныхъ интересахъ поостережется нарушить границы Швеціи. Если же эта держава окажется господствующею на морѣ, а такою она должна быть, чтобы имѣть виды на эту часть полуострова, то она можетъ появиться въ Норвегіи гораздо болѣе удобнымъ путемъ, посредствомъ высадки войскъ къ западу отъ линіи крѣпостей. Пограничныя крѣпости направлены противъ Швеціи и только противъ Швеціи... эту угрозу и эту опасность Швеція должна устранить. Если бы норвежскія крѣпости были оставлены въ неприкосновенности, Швеція не могла бы обойтись безъ того, чтобы въ видахъ собственной безопасности, не укрѣпить свою границу соотвѣтственными сооруженіями. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть къ чему это поведетъ: прежде всего къ состязанію въ смыслѣ вооруженій, въ финансовомъ отношеніи болѣе или менѣе изнурительному; въ политическомъ отношеніи это будетъ источникомъ постоянныхъ заподозрѣваній и охлажденія обѣихъ сторонъ. Пограничныя крѣпости до основанія отравятъ жизнь обоихъ народовъ... Швеція не хочетъ, чтобы это случилось, не хочетъ расторгнуть унію такимъ образомъ, чтобы оба народа съ самаго начала стали другъ противъ друга на границѣ какъ враги. Какая будущность ожидала бы ихъ въ такомъ случаѣ? Вотъ почему первымъ условіемъ со стороны Швеціи является требованіе: никакихъ пограничныхъ крѣпостей"!

Анонимный шведскій публицистъ, въ помѣщенной въ „Berliner Tageblatt" статьѣ, точно также оспаривалъ, что нор-

вежскія крѣпости имѣютъ лишь оборонительный характеръ: „на самомъ дѣлѣ наблюдается нѣчто совершенно иное. Уже въ первой стадіи похода на Швецію, гарнизоны крѣпостей могутъ предпринимать вторженія въ страну, нарушать мобилизацію, уничтожать запасы продовольствія и разрушать пути сообщенія. Такія предпріятія могутъ имѣть большое значеніе для всего дальнѣйшаго хода операцій... Помимо того, норвежская армія можетъ быть мобилизована такъ скоро, что большая ея часть въ немного дней можетъ оказаться у линіи Гломмена. Въ виду пограничныхъ укрѣпленій норвежскія бригады могутъ въ безопасности передвигаться до самой границы, не дожидаясь подкрѣпленій, врасплохъ нападать на Швецію и вторгнуться въ страну".

Норвежскіе писатели, въ свою очередь, отстаивали другую точку зрѣнія; такъ, Гейбергъ, въ сильной статьѣ въ „Dagbladet", говорилъ: „Нѣтъ, Швеціею руководили другіе мотивы. Требованіемъ объ упраздненіи нашихъ крѣпостей она добивалась двоякой цѣли—моральной и фактической выгоды. Моральная ея выгода—наше униженіе, фактическая состоитъ въ томъ, что въ случаѣ войны, ей не нужно будетъ больше считаться съ нашими крѣпостями, которыя для шведскаго генеральнаго штаба были бѣльмомъ на глазу. Снесеніе нашихъ укрѣпленій доставитъ шведамъ національный тріумфъ и болѣе легкій доступъ въ Норвегію".

Пока делегаты Швеціи и Норвегіи совѣщались въ Карлстадтѣ о способахъ, при помощи которыхъ можно было бы мирно покончить съ вопросомъ о расторженіи шведско-норвежской уніи, и когда еще не было извѣстно, будутъ ли такіе способы найдены, британская печать почла необходимымъ заявить, что еслибы столкновеніе оказалось неизбѣжнымъ, то Англія никому не позволитъ вмѣшаться въ это дѣло. Она сама возьметъ на себя роль посредника, примирителя и судьи, возьметъ по праву, на томъ основаніи, говоря словами „Times'a", „что война между Швеціей и Норвегіей была бы несчастіемъ для всѣхъ друзей прогресса, а тамъ, гдѣ дѣло идетъ о высшемъ благѣ народовъ, голосъ Англіи долженъ звучать раньше другихъ".

„Globe" высказывалъ ту же возвышенную мысль, на языкѣ болѣе прозаическомъ: „Въ качествѣ могущественной морской державы, Англія не можетъ допустить, чтобы равновѣсіе въ сѣверныхъ водахъ было нарушено. Никогда Англія не допуститъ, чтобы посторонняя держава извлекла какія-либо выгоды изъ шведско-норвежскаго конфликта".

Другія державы не остались глухими къ такимъ заявленіямъ, и во избѣжаніе возможныхъ затрудненій, Германія и Франція, наравнѣ съ Англіей, неоффиціально увѣдомили делегатовъ карлстадтской конференціи о желательности для упомянутыхъ державъ мирнаго улаженія шведско-норвежскаго конфликта, указывая при этомъ на уступчивость Норвегіи.

Когда норвежцы наотрѣзъ отказались срыть укрѣпленія Конгсвингера и Фредрикстена, эти памятники сѣдой старины и символы борьбы Норвегіи за свободу, Англія усилила свою посредническую дѣятельность. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ происходили длинныя совѣщанія съ шведскимъ посланникомъ и норвежскимъ агентомъ Ганзеномъ. Къ королю Эдуарду было отправлено нѣсколько особыхъ курьеровъ съ важными депешами, и король, очень интересовавшійся мирнымъ исходомъ конфликта, повидимому, предложилъ modus vivendi, согласно которому укрѣпленія должны быть только разоружены, а не срыты, причемъ обѣ страны обязуются не увеличивать своихъ вооруженныхъ силъ и заключить между собою постоянный мирный договоръ.

Отчасти подъ вліяніемъ внушеній извнѣ, переговоры въ Карлстадтѣ закончились 10-го сентября достиженіемъ по всѣмъ спорнымъ пунктамъ соглашенія, нижеприводимый проектъ котораго подлежалъ въ обѣихъ странахъ парламентскому обсужденію: Въ силѣ соглашеніе остается въ теченіе десяти лѣтъ съ момента его утвержденія, и должно быть продолжено на такой же срокъ, если ни та, ни другая сторона, по крайней мѣрѣ, за два года до истеченія десятилѣтняго срока, не заявитъ о своемъ нежеланіи придерживаться договора.

По обѣ стороны южной границы, между обоими государствами оставляется полоса въ 30 километровъ (по 15 кил. съ каждой стороны), которая признается „нейтральной зоной". Она тянется отъ берега моря на сѣверъ до 61° шир. Въ эту зону включаются всѣ острова, шхеры, но не части моря и бухты, которыя окажутся внутри самой зоны. Въ предѣлахъ зоны не должно быть укрѣпленныхъ пунктовъ и военныхъ портовъ, и не допускается сосредоточеніе запасовъ боевого назначенія. Изложенныя ограниченія отмѣняются, въ случаѣ вовлеченія одной или обѣихъ договаривающихся сторонъ въ войну съ третьею державой.

На этомъ основаніи, всѣ нынѣ находящіяся въ предѣлахъ зоны укрѣпленія должны быть срыты. Къ числу такихъ укрѣпленій принадлежатъ: группа передовыхъ фортовъ у Фредрикстена, а именно новѣйшіе форты Гюльденлеве

Овербьергетъ, Веденъ и Хельмколленъ, затѣмъ предмостное укрѣпленіе Эрье съ его фортомъ Крокзундомъ, и Урскогъ (Дингерудъ).

Всѣ эти укрѣпленія въ теченіе восьми мѣсяцевъ со дня заключенія трактата должны быть приведены въ состояніе негодности.

Старинныя же укрѣпленія Фредрикстена и старинные валы Гюльденлеве и Овербьергета сохраняются въ ихъ нынѣшнемъ видѣ подъ условіемъ, что они будутъ разоружены и не будутъ усиливаемы никакими фортификаціонными постройками.

Укрѣпленія Конгсвингера не должны быть расширяемы, а вооруженіе ихъ увеличиваемо. Новыя укрѣпленія не могутъ быть сооружаемы ближе десяти километровъ отъ старой крѣпости Конгсвингера.

Болѣе детальныя условія будутъ выработаны по окончательномъ утвержденіи карлстадтскаго соглашенія правительствами.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ обязательствъ возлагается на особую коммиссію изъ трехъ *иностранныхъ* офицеровъ (отнюдь ни одного шведа или норвежца), изъ нихъ двое выбираются каждою договаривающеюся стороною, а третій выбирается ими обоими. Если на счетъ третьяго возникнетъ разногласіе, выборъ его будетъ предоставленъ президенту швейцарскаго союза.

Соглашеніе вступитъ въ силу, какъ только къ этому представится возможность, и не можетъ быть измѣнено безъ обоюднаго на то согласія.

Тремя слѣдующими пунктами подтверждены права лопарей пасти свои стада на территоріяхъ обоихъ государствъ и опредѣлены условія транзита товаровъ и судоходства по воднымъ путямъ сообщенія, связывающимъ обѣ страны.

Кромѣ того, обѣ стороны согласились передавать на рѣшеніе гаагскаго третейскаго суда всѣ могущіе возникнуть между ними спорные вопросы, за исключеніемъ тѣхъ, которые затрагиваютъ независимость и жизненные интересы обоихъ государствъ, причемъ опредѣленіе наличности послѣднихъ, въ случаѣ спора, должно быть также предоставлено тому же третейскому суду.

Подобное правило является впервые въ трактатѣ между двумя государствами, касающемся третейскаго разбирательства, и свидѣтельствуетъ о необычайномъ миролюбіи обоихъ скандинавскихъ государствъ.

Относительно способа расторженія уніи делегаты пришли

къ такому соглашенію: вышеприведенный проектъ будетъ предложенъ на утвержденіе шведскому риксдагу и норвежскому стортингу съ тѣмъ, чтобы это соглашеніе вступило въ силу послѣ того, какъ Швеція признаетъ Норвегію отдѣлившейся отъ уніи. Если проектъ будетъ принятъ парламентами обѣихъ странъ и договоры о томъ будутъ надлежащимъ образомъ подписаны, риксдагъ сдѣлаетъ распоряженіе объ отмѣнѣ соглашенія объ уніи и о признаніи самостоятельности Норвегіи, а шведское правительство въ наивозможно скорѣйшемъ времени увѣдомитъ иностранныя державы о признаніи Швеціей Норвегіи самостоятельнымъ государствомъ, не связаннымъ съ нею уніею.

Затѣмъ, оба государства обратятся къ иностраннымъ державамъ, съ которыми они связаны взаимно обязующими и еще не истекшими договорами съ просьбой признать общность правъ и обязательствъ для Швеціи и Норвегіи, вытекающихъ изъ вышеупомянутыхъ договоровъ, расторгнутой, такъ что впредь одно государство не несетъ на себѣ отвѣтственности за выполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя другимъ.

VII.

Большинствомъ 101 голоса противъ 46 стортингъ принялъ выработанное въ Карлстадтѣ соглашеніе, а 3-го октября риксдагъ принялъ безъ преній предложеніе, освобождающее Норвегію отъ ея уніи съ Швеціей. Обсуждавшая это предложеніе чрезвычайная сессія шведскаго риксдага была закрыта тронною рѣчью, которую король Оскаръ произнесъ твердымъ и звучнымъ голосомъ: „Почтенные господа, мужи Швеціи! Я возвышаю свой голосъ въ этомъ залѣ въ знаменательный моментъ. По истинѣ, не безъ глубокой скорби вижу я новый разрывъ между двумя родственными народами и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность возрожденія затрудненій и опасностей, казалось, навсегда устраненныхъ союзомъ, просуществовавшимъ почти цѣлое столѣтіе“.—Въ заключеніе, король выразилъ надежду, что политическій разрывъ не помѣшаетъ прочному миру между Швеціей и Норвегіей и что возможно соглашеніе, обезпечивающее интересы и безопасность обѣихъ странъ.

Нотою отъ 14 (27) октября 1905 г. шведскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ увѣдомилъ наше правительство, что, согласно постановленіямъ собиравшагося въ г. Карлстадтѣ

съѣзда представителей шведскаго и норвежскаго правительствъ —король Оскаръ II обнародовалъ въ установленномъ порядкѣ законъ объ отмѣнѣ акта уніи между Швеціей и Норвегіей 1815 г. и призналъ, такимъ образомъ, Норвегію самостоятельнымъ государствомъ, совершенно отдѣленнымъ отъ Швеціи.

На другой день послѣ отсылки этой ноты норвежскій министръ иностранныхъ дѣлъ Лёфландъ обратился по телеграфу къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ графу Ламздорфу съ заявленіемъ о желаніи новаго норвежскаго правительства немедленно же войти въ оффиціальныя сношенія къ русскимъ правительствомъ.

Графъ Ламздорфъ отвѣтилъ телеграммой 17 октября, что съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, русское правительство „признаетъ Норвегію въ качествѣ вполнѣ независимаго государства, во всей ея территоріальной цѣлостности (dans toute son intégrité territoriale) и готово вступить съ нею немедленно въ оффиціальныя сношенія".

Такимъ образомъ, Россія была одною изъ первыхъ, если не первою державою, признавшею вновь создавшееся государство и, кромѣ того, какъ это видно изъ текста телеграммы, она по собственному почину выразила готовность уважать неприкосновенность нынѣшнихъ государственныхъ границъ Норвегіи, давая тѣмъ прямой отвѣтъ на обвиненія, приписывавшія Россіи намѣреніе захватить на сѣверѣ одинъ изъ норвежскихъ фіордовъ. Упоминаніемъ этимъ Россія подчеркнула, какую цѣну она придаетъ добрымъ, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, отношеніямъ съ Норвегіею.

Вслѣдъ за мирнымъ улаженіемъ вопроса о расторженіи шведско-норвежской уніи въ заграничной печати возобновились соображенія о будущемъ государственномъ устройствѣ Норвегіи. Печать эта обращала вниманіе на то, что республиканская форма правленія имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ въ Норвегіи, но она можетъ поставить подъ сомнѣніе независимость страны, такъ какъ непосредственные сосѣди Норвегіи—Россія, Швеція, Германія и Данія врядъ ли будутъ довольны установленіемъ у нихъ подъ бокомъ чисто-демократическаго режима. А „Observer" напечаталъ, что даже Англія ставитъ будто бы введеніе въ Норвегіи монархическаго правленія непремѣннымъ условіемъ продолженія, съ своей стороны, установленной англо-франко-шведскимъ договоромъ гарантіи неприкосновенности Норвегіи, имѣя въ виду возможность нарушенія этой неприкосновенности захватомъ одного

изъ портовъ Россіею. Наиболѣе благопріятно относившіяся сначала къ республиканской идеѣ норвежскія газеты теперь стали сознаваться, что для обезпеченія независимости страны наиболѣе пригоденъ былъ бы монархическій образъ правленія.

На норвежскій престолъ было три главныхъ кандидата: шведскій принцъ Вильгельмъ, датскій принцъ Карлъ, женатый на принцессѣ Модъ, дочери англійскаго короля Эдуарда, и, наконецъ, второй шведскій принцъ Карлъ, женатый на датской принцессѣ Ингеборгѣ. Но король Оскаръ, какъ онъ самъ сказалъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ стокгольмскому корреспонденту „Frankfurter Zeitung“, рѣшилъ не посылать въ Норвегію принца своего дома, потому что Норвегія поступила несправедливо по отношенію къ нему, а также потому, что это могло бы вызвать недовѣріе Швеціи. Остался, слѣдовательно, третій и притомъ наиболѣе серьезный кандидатъ, принцъ Карлъ датскій, такъ какъ избравшее его королемъ государство, имѣя за собою покровительство датскаго королевскаго дома, въ тоже время обезпечивало бы себѣ расположеніе и сочувствіе большинства сильныхъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ правятъ монархи, состоящіе въ родствѣ съ датскимъ королевскимъ домомъ. Вдобавокъ, принцъ Карлъ приходится шведскому королю внучатнымъ племянникомъ, такъ какъ мать принца былъ дочерью шведскаго короля Карла XIII, брата нынѣшняго.

Рѣшающее значеніе эта кандидатура пріобрѣла, когда стало извѣстнымъ, что ее поддерживаетъ императоръ Вильгельмъ: Обнаружилось это въ августѣ мѣсяцѣ, когда, пріѣхавъ въ Копенгагенъ, императоръ поздравилъ принца Карла будущимъ королемъ Норвегіи, а принцессу Модъ поцѣловалъ и сказалъ „Надѣюсь, что цѣлую тебя, какъ принцессу, уже послѣдній разъ“.

Политика императора германскаго въ данномъ случаѣ вдохновлялась, какъ кажется, тѣмъ соображеніемъ, что для Германіи представляется вопросомъ первостепенной важности путемъ возведенія датскаго принца на норвежскій престолъ покрѣпче сплотить снова оба скандинавскихъ королевства, которыя лишь въ добромъ согласіи между собою и съ Даніей могутъ быть оплотомъ противъ вторженія англичанъ въ Балтійское море. Оставшись послѣ уничтоженія русскаго флота одна въ этомъ морѣ, Германія хотѣла бы быть здѣсь полною хозяйкою, а поперекъ ея желаній становится Англія. Опасаясь англичанъ, Германія поднимала, какъ говорятъ, вопросъ о за-

крытіи проливовъ, ведущихъ въ Балтійское море, но эта идея оказалась неосуществимой, а между тѣмъ встрепенувшіеся англичане свои морскія силы стали переводить поближе именно къ этому морю и начали сооружать новую военную базу на восточномъ беегу Шотландіи, а также устраивать демонстративные морскіе маневры около Свинемюнде. Времени терять было нечего, тѣмъ болѣе, что въ Копенгагенѣ былъ англійской эскадрѣ оказанъ такой же пріемъ, какъ незадолго передъ тѣмъ эскадрѣ германской, а извѣстный писатель Георгъ Брандесъ высказалъ въ газетѣ „Politiken“ мысль, что Данія могла бы быть поставлена подъ протекторатъ Англіи: „Данія можетъ только желать попасть подъ защиту Англіи, пожертвованіе номинальной свободой не имѣетъ значенія“.

Подготовительною мѣрою со стороны императора Вильгельма было состоявшееся 30 іюня въ Гефле свиданіе его съ королемъ Оскаромъ. Что свиданіе это имѣло несомнѣнно политическій характеръ, видно изъ того, что на немъ присутствовалъ шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гильденстольпе. Повидимому, императоръ настоятельно совѣтовалъ королю Оскару возможно скорѣе окончить недоразумѣнія съ Норвегіей и весьма вѣроятно, что этотъ совѣтъ повліялъ на послѣдовавшую затѣмъ большую сговорчивость шведскаго правительства. Расчистивъ почву для установленія мирнаго соглашенія между Швеціей и Норвегіей, императоръ приступилъ къ дальнѣйшему развитію своего плана федераціи скандинавскихъ государствъ, однимъ изъ пунктовъ котораго было возложеніе норвежской короны на чело датскаго принца. Этою цѣлью объясняется поѣздка его въ августѣ мѣсяцѣ въ Копенгагенъ и свиданіе съ королемъ Христіаномъ.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, вмѣстѣ взятымъ, успѣхъ кандидатуры принца Карла былъ обезпеченъ заранѣе и внесенный въ Христіаніи 12 октября правительственный законопроектъ предлагалъ снабдить правительство достаточными полномочіями для переговоровъ съ принцемъ Карломъ датскимъ относительно избранія его норвежскимъ королемъ, при условіи, что норвежскій народъ присоединится къ рѣшенію стортинга и правительства.

Произведенный по этому поводу плебисцитъ далъ слѣдующіе результаты: 259.563 голоса высказались за избраніе короля и 69264 — противъ; вслѣдствіе этого, 5-го ноября 116 членовъ стортинга единогласно избрали королемъ датскаго принца Карла. Въ отвѣтъ на обращенное къ нему извѣщеніе, принцъ прислалъ слѣдующую телеграмму. „Съ разрѣшенія его ве-

личества короля, моего августѣйшаго дѣда, я принимаю избраніе меня королемъ Норвегіи, подъ именемъ Гакона VII и даю своему сыну имя Олафъ. Моя супруга и я призываемъ благодать Божію на норвежскій народъ, намѣреваясь всю предстоящую намъ жизнь посвятить его чести и счастью".

Имя Гакона VII король принялъ въ память Гакона VI, который былъ послѣднимъ королемъ Норвегіи, до ея уніи съ Даніей въ 1380 году.

Немедленно-же была послана въ Копенгагенъ депутація, принятая во дворцѣ въ торжественной аудіенціи. Президентъ стортинга Бернеръ, глава депутаціи, въ рѣчи къ датскому королю просилъ его согласія на принятіе принцемъ Карломъ предложенія норвежскаго народа.

Маститый король Христіанъ произнесъ тогда слѣдующую замѣчательную рѣчь, въ которой очень явственно просвѣчиваетъ мысль о будущемъ скандинавскомъ союзѣ и которую, потому, позволяю себѣ привести in extenso:

„Господа норвежскіе представители! Мы съ радостью исполняемъ желаніе норвежскаго народа возложить древнюю норвежскую корону на нашего любезнаго внука принца Карла. Мы глубоко убѣждены, что норвежскій народъ, совмѣстно съ нашимъ внукомъ, пойдутъ навстрѣчу счастливой будущности. Молодой король пріѣдетъ въ Норвегію не какъ чужой. Онъ состоитъ въ родствѣ съ прежнимъ норвежскимъ королемъ, и, кромѣ того, норвежское королевство не покажется ему незнакомой страной, такъ какъ повсюду онъ будетъ встрѣчаться съ воспоминаніями, общими какъ исторіи Норвегіи, такъ и исторіи его собственнаго рода. Мы надѣемся, что узы, уже теперь соединяющія молодого короля съ народомъ, послужатъ путемъ дальнѣйшаго единенія королевской власти съ народными силами на благо страны и къ славѣ націи. Мы вѣримъ, что этимъ будетъ обезпечено благо не только норвежскаго народа, но и всѣхъ родственныхъ ему государствъ. Мы молимъ всемогущаго Бога, чтобы избраніе принца Карла норвежскимъ королемъ повело къ счастью всего сѣвера Европы, и чтобы крѣпло единеніе и согласіе между сѣверными народами. Мы глубоко убѣждены, что весь нашъ королевскій домъ и съ нами датскій народъ раздѣляютъ это желаніе. Поэтому, поручаю вамъ передать отъ нашего имени сердечный привѣтъ норвежскому народу, который вы здѣсь представляете. Къ вамъ же, мои любезные внуки, я обращаюсь съ пожеланіемъ, чтобы Богъ далъ вамъ силы и крѣпость служить вашему народу вѣрой и правдой. Такимъ образомъ вы заслужите

любовь вашего народа и сами будете чувствовать себя норвежцами, особенно трудясь на счастье и преуспѣяніе вашей страны. Ты, мой любезный внукъ, безупречно служилъ здѣсь своему отечеству и королю; поэтому я увѣренъ, что ты сознательно приступишь къ выполненію новой отвѣтственной задачи, выпавшей на твою долю. Въ этотъ торжественный часъ твои родители, вся твоя семья, датскій народъ и я, твой старый король и дѣдъ, всѣ мы сопровождаемъ тебя горячими пожеланіями успѣха. Идите съ Богомъ, дорогія дѣти мои, изъ страны, которая васъ воспитала, туда, куда васъ зоветъ норвежскій народъ. Примите благословеніе вашего стараго короля для васъ самихъ, для вашего рода и для всѣхъ вашихъ дѣйствій нынѣ и во вѣки вѣковъ. Да хранитъ васъ Богъ".

Послѣ аудіенціи, норвежская депутація отправилась во дворецъ короля Гакона, въ Бредгаде. Бернеръ передалъ королю отъ имени норвежскаго народа пожеланія счастья и надежду на то, что всегда будетъ поддерживаться единеніе между королемъ и народомъ.

Въ заключеніе своей отвѣтной рѣчи король Гаконъ сказалъ: „Какъ вамъ извѣстно, господа, народное голосованіе было предпринято по моему личному требованію. Я хотѣлъ быть увѣреннымъ въ томъ, что весь народъ хотѣлъ меня избрать королемъ, а не какая либо отдѣльная партія. Задача моя состоитъ въ томъ, чтобы собирать, а не разъединять. Всю мою жизнь намѣренъ я посвятить благу Норвегіи. Моя супруга и я горячо желаемъ, чтобы народъ, избравшій насъ, стремился къ одной цѣли, путемъ совмѣстной дѣятельности съ нами. При такихъ условіяхъ я съ полнымъ довѣріемъ провозглашу свой девизъ: „Все для Норвегіи!"

Финальнымъ аккордомъ, завершившимъ все дѣло расторженія шведско-норвежской уніи, была телеграмма короля Оскара, отправленная королю Гакону по прибытіи его въ Христіанію: „Принося вашему величеству благодарность за вашу телеграмму, прошу васъ принять увѣреніе въ томъ, что всякое искреннее стремленіе къ установленію между обоими государствами добраго согласія будетъ неизмѣнно встрѣчать съ моей стороны сочувственный откликъ".

VIII.

Заканчивая настоящій очеркъ, мнѣ кажется не лишнимъ вкратцѣ коснуться отношеній Россіи къ обоимъ скандинавскимъ государствамъ, отношеній, развивавшихся по преимуществу на почвѣ пререканій изъ-за жившихъ между ними народовъ финскаго происхожденія.

Финны издревле подвергались нашествіямъ скандинавовъ и руссовъ, которые, подъ конецъ, и раздѣлили между собою владычество надъ финскими племенами. Это видно изъ древняго договора, писаннаго рунами и напечатаннаго Біэрномъ въ его „Cogitationes critico-philologicae de orthographia linguae sveo-gothicae, tam runica, quam vulgari“ (Stockholm 1740). Этимъ договоромъ опредѣлялись пограничныя марки (предѣлы) между владѣніями короля Норвегіи (Konunkr af Norrik) и государя руссовъ (Ryska Konunkr, Ryssar Kongur): „какъ старые люди передали и утверждаютъ поднесь всѣ лѣсные обитатели и финны“. Русскому государю предоставлено было собирать дань по морскому побережью, даже до Люнкастуфута (близъ Лингенъ-фіорда) и со всѣхъ горныхъ жителей между рѣкою и Лигкяромъ (Логеномъ). Такимъ образомъ, граница по Лингенъ-фіордъ оставляла во владѣніи руссовъ нынѣшнюю Финляндію и Финмаркенъ; прочія финскія области были признаны за норвежцами.

Удаленіе русскихъ государей изъ Новгорода въ Кіевъ пробудило въ финскихъ племенахъ мысль о самостоятельности, хотя новгородцы не хотѣли отречься отъ правъ на древнее достояніе Руси. Въ былые дни предки наши ревниво охраняли это достояніе, не то, что ихъ измельчавшіе потомки начала XX вѣка, которые спѣшатъ поскорѣе растратить русское наслѣдіе, не ихъ энергіею пріобрѣтенное. Въ XIII вѣкѣ, при Александрѣ Невскомъ новгородцы ссорились и дрались съ норвежцами и сосѣдями за наши „древнія границы въ странахъ, сосѣднихъ Галогаланду“ (Торфей, ч. I кн. 3 гл. 24, ч. IV кн. 4 гл. 40 и 48). Недовольныя насильственными поступками шведовъ, нѣкоторыя финскія племена держали сторону новгородцевъ, которые, ободренные тѣмъ, проникали далеко на сѣверъ и нападали на шведскія и норвежскія земли около Галогаланда, проходя туда чрезъ Финмаркенъ и Лапландію.

При Ярославѣ Мудромъ Руси принадлежало все пространство до Лингенъ-фіорда, по Орѣховскому миру 1323 г. между новгородцами и шведами границей сталъ Варангеръ-фіордъ

(Варяжскій заливъ), а въ 1826 году граница приняла современное направленіе.

Простого взгляда на географическую карту достаточно, чтобы убѣдиться въ безнадежной, чтобы не сказать преступной, неспособности русской дипломатіи, заключившей 2 мая 1826 г. конвенцію о границахъ между Россіею и Норвегіею. Пограничная черта дѣлаетъ такіе неожиданные и фантастическіе изгибы, что можно предположить, что русскими уполномоченными руководило желаніе какъ можно далѣе отстранить Россію отъ удобныхъ мѣстъ чуднаго, многоводнаго Варангеръ-фіорда. Крайняя небрежность, съ которою мы уступили Норвегіи лучшія гавани Финмаркена, представляется просто необъяснимою, — покойный Сидоровъ былъ увѣренъ, что дѣло не обошлось безъ подкупа 1).

Восточный берегъ Варангеръ-фіорда составляетъ рыбачій полуостровъ: отъ этого полуострова къ западу, начиная съ губы Волоковой, Россіи, на основаніи конвенціи 1826 г., принадлежитъ часть берега Варангеръ-фіорда до губы Островской и становища Столбоваго, при устьѣ р. Ворьемы. Русскіе фіорды замерзаютъ до мая мѣсяца, норвежскіе, благодаря омывающимъ ихъ теплымъ теченіямъ Гольфстрема, не замерзаютъ никогда. Русское побережье пустынно, дико, норвежское покрыто лѣсомъ и соединяется съ долинами, покрытыми богатою растительностью, кромѣ того, вслѣдствіе замерзаемости въ русскихъ заливахъ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ невозможна рыбная ловля, тогда какъ въ норвежскихъ рыба кишитъ въ количествахъ невообразимыхъ и ловля идетъ круглый годъ.

Конвенція 1826 г. была въ высшей степени невыгодна для Россіи не только произведеннымъ ею разграниченіемъ: она опредѣлила также положеніе русскихъ и норвежскихъ лопарей, свободно кочевавшихъ до того времени,—въ общихъ,—такъ называемыхъ Faelleds-districter — владѣніяхъ обоихъ смежныхъ государствъ. Общая съ Россіей норвежская область подъ названіемъ Нейденъ или Неудама начиналась отъ хребта Кольмисойви—Мадакіетса, до котораго доходила шведско-норвежская пограничная черта, установленная трактатомъ 1751 года.

На основаніи ст. VII конвенціи 1826 г. русскія и норвежскія семейства, перешедшія въ силу состоявшагося разграниченія въ подданство одной изъ договаривающихся сторонъ, сохраняли въ теченіе шести лѣтъ право переходить на тер-

1) «Внѣшняя политика Россіи» Скальковскаго, стр. 139.

риторію другой для производства, по прежнему, охоты и рыбной ловли; обѣ державы сохраняли за собою право по истеченіи шести лѣтъ убѣдиться, насколько постановленія конвенціи отвѣчаютъ цѣли упроченія благосостоянія пограничныхъ подданныхъ Россіи и Норвегіи.

По истеченіи обусловленнаго срока, русскіе и норвежскіе комисары, изучивъ мѣстныя, созданныя новыми постановленіями обстоятельства, выработали новый проектъ, подписанный ими 2 (14) января 1831 г. въ г. Вадзэ. Главныя заключенія ихъ были приняты русскимъ и норвежскимъ правительствами и послужили основаніемъ протокола, подписаннаго въ Петербургѣ 6 (18) августа 1834 г. и имѣющаго силу конвенціи. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія статьи I и II этого протокола.

Статья I. Русскіе и норвежскіе лопари, обитающіе въ общихъ прежде округахъ, Faelleds-districter, за выговореннымъ въ слѣдующей статьѣ исключеніемъ, лишаются на будущее время права, представленнаго имъ ст. VII конвенціи 2 (14) мая 1826 г., переходить на иностранную территорію для производства охоты и рыбной ловли.

Статья II. Тѣмъ не менѣе, находящіеся въ русскомъ подданствѣ лопари Пазрѣцкаго погоста, съ незапамятныхъ временъ производившіе ловъ семги въ водахъ, принадлежащихъ нынѣ Норвегіи и имѣющіе тамъ для сего особыя приспособленія, сохраняютъ такое право и на будущее, безъ опредѣленія срока, время въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и прежде, а именно въ устьяхъ р. Пазы и въ Ясфіордѣ (Ровдинская губа [1]).

Постановленія двухъ помянутыхъ международныхъ договоровъ составляютъ въ настоящее время основаніе нашихъ пограничныхъ сношеній съ Норвегіей и условій жизни нашихъ лопарей, на которыхъ они отразились самымъ печальнымъ образомъ.

Въ силу ст. VIII конвенціи 1826 г. русскимъ лопарямъ безусловно запрещается пасти оленей на территоріи, переставшей быть общимъ владѣніемъ (Faelled-district). Не имѣя, потому, болѣе права пасти оленей подъ рукой въ Норвегіи во время производства тамъ семужьяго и морского промысловъ, лопари по неволѣ вынуждены угонять ихъ въ тундры и оставлять безъ всякаго присмотра, такъ какъ никто изъ лопарей не можетъ обойтись безъ заработка, доставляемаго этими промыслами. Оставаясь же безъ охранщиковъ, олени разбредаются

[1]) Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ т. III. стр. 24—30.

на громадныя пространства, гдѣ и гибнутъ отъ хищныхъ звѣрей, воровства и падежей. До заключенія пограничной конвенціи у лопарей, напр. Пазрѣцкаго погоста, насчитывалось болѣе 1000 оленей, нынѣ же общее число ихъ не превышаетъ 300—400.

Конвенція 1826 г. разорила лопарей, дополнительный къ ней протоколъ довершилъ это разореніе еще и тѣмъ, что ст. II протокола предоставляетъ русскимъ лопарямъ право заниматься въ норвежскихъ водахъ лишь ловомъ семги, о другой рыбѣ не сказано ничего, почему норвежскія власти и не разрѣшаютъ ловить ее. Уловъ же семги въ отведенныхъ лопарямъ въ пользованіе становищахъ, въ прилежащихъ къ границѣ норвежскихъ фіордахъ, становится съ каждымъ годомъ скуднѣе въ особенности и потому, что съ одной стороны лопари не въ состояніи имѣть дорогихъ сѣтей, употребляемыхъ норвежцами, а съ другой, имъ запрещено пользоваться неводами съ очень мелкою сѣтью, которыми онѣ пользовались до конвенціи 1826 г. Лопари съ грустью говорили объѣзжавшему ихъ русскому консулу въ Гамерфестѣ, Бухарову, что въ старину они могли безпрепятственно пасти оленей и какими угодно снастями ловить рыбу въ искони занимаемыхъ ими мѣстахъ и что послѣ произведеннаго въ 1826 г. разграниченія они изъ зажиточныхъ прежде хозяевъ сдѣлались нищими [1]).

Разбирая общія политическія отношенія Россіи къ Швеціи и Норвегіи нельзя не отмѣтить кореннаго различія въ образѣ дѣйствій по примѣненію къ намъ со стороны обоихъ скандинавскихъ государствъ.

За исключеніемъ льстивыхъ словъ, приведенныхъ мною выше, сказанныхъ Бернадоттомъ Александру I и Николаю I и оставшихся словами, Швеція никогда не переставала думать о реваншѣ за утраченную въ 1809 году Финляндію.

Въ крымскую войну, чрезъ тайнаго агента Бланшара, Швеція предложила Наполеону III, что если союзники дадутъ милліонъ франковъ субсидіи въ мѣсяцъ и гарантируютъ Швеціи обладаніе Финляндіей, то Швеція выставитъ шестидесятитысячную армію. Прибывшій затѣмъ въ Швецію союзный флотъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ, а когда получилось извѣстіе о взятіи Севастополя, Стокгольмъ и другіе большіе города были иллюминованы.

Для переговоровъ о заключеніи союзнаго трактата былъ посланъ въ Стокгольмъ маршалъ Капроберъ. Трактатъ былъ заключенъ 21 ноября 1855 г. и гласилъ слѣдующее:

---

1) Поѣздка по Лапландіи, Бухарова. 1885, стр. 24.

„Императоръ французовъ, королева Великобританіи и Ирландіи и король Швеціи и Норвегіи, желая предотвратить всякое осложненіе, могущее нарушить европейское равновѣсіе, рѣшили войти въ соглашеніе, имѣющее цѣлью обезпечить территоріальную цѣлостность соединенныхъ королевствъ Швеціи и Норвегіи, и назначили для заключенія по сему предмету договора полномочныхъ... которые... условились о нижеслѣдующемъ:

„Статья I. Король Швеціи и Норвегіи обязуется не уступать Россіи, не мѣняться съ нею и не позволять ей занимать какую-либо часть земель, принадлежащихъ шведской или норвежской коронѣ. Кромѣ того, король Швеціи и Норвегіи обязуется не уступать Россіи никакого права пастбищъ, рыбныхъ ловель или иныхъ, какого бы характера ни было, правъ, какъ на сказанныхъ земляхъ, такъ и по берегамъ Швеціи и Норвегіи, а также отстранять всякое домогательство, которое возбудила бы Россія съ цѣлью установленія какого бы то ни было изъ вышеупомянутыхъ правъ.

„Статья II. Въ случаѣ, если бы Россія сдѣлала королю Швеціи и Норвегіи какое-либо предложеніе или обратилась съ просьбою на предметъ уступки ей или обмѣна какой-либо части территорій, принадлежащихъ Швеціи и Норвегіи, или касательно уступки ей правъ рыбныхъ ловель, пастбищъ и иныхъ на этихъ самыхъ территоріяхъ и по берегамъ Швеціи и Норвегіи, король Швеціи и Норвегіи обязуется сообщить немедленно о такомъ предложеніи императору французовъ и королевѣ англійской, которые съ своей стороны, обязуются доставить королю Швеціи и Норвегіи морскія и военныя силы, достаточныя, дабы, совмѣстно съ шведско-норвежскими морскими и военными силами, противостоять домогательствамъ и нападеніямъ Россіи. Составъ, количество и назначеніе силъ, о которыхъ идетъ рѣчь, будутъ, въ случаѣ надобности, опредѣлены по взаимному соглашенію трехъ договаривающихся державъ.

„Статья III. Настоящій договоръ будетъ ратификованъ и ратификаціи обмѣнены въ Стокгольмѣ какъ только возможно скорѣе“ [1]).

Подписаніе договора сопровождалось обмѣномъ секретныхъ нотъ, предвидѣвшихъ возможность замѣны оборонительнаго союза наступательнымъ и дѣйствительнаго участія Швеціи и Норвегіи въ войнѣ и выгодахъ отъ мира. Заявленіе Россіи

---

[1]) Recueil de traités, par le baron de Martens et le baron de Cussy Leipzig. 1857. t. VII. 412, 413.

7 (19) января 1856 г., что она согласна обсуждать ультиматумъ съ австрійскими условіями мира, прекратило дальнѣйшіе переговоры. Швеція получила, однако, свое вознагражденіе: въ Парижскій трактатъ было введено унизительное для Россіи условіе, что она не имѣетъ права воздвигать укрѣпленій на Аландскихъ островахъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что приведенный выше трактатъ 1855 г. былъ заключенъ безъ всякаго участія шведскихъ и норвежскихъ народныхъ представителей и что Норвегія всегда была противъ войны съ Россіею.

Въ 1863 г. когда западныя державы, видя слабость нашего правительства предъ польскими мятежниками, дошли до того, что съ угрозами требовали отъ Россіи исполненія желаній народоваго ржонда, Швеція уже готова была приступить къ вооруженіямъ, грозя отнять у насъ Финляндію. Шведскій риксдагъ, однако, оказался благоразумнѣе министерства и отвергъ его предложеніе объ оказаніи помощи Польшѣ.

Въ апрѣлѣ 1890 г. риксдагъ принялъ предложеніе военнаго министра объ ассигнованіи 4.665,000 кронъ для „скорѣйшаго окончанія стратегической желѣзной дороги до русской границы“, а въ 1891 г. принялъ новое предложеніе того же министра о постройкѣ карльсборгскихъ и вабергскихъ крѣпостныхъ сооруженій и укрѣпленныхъ казармъ на границѣ съ Финляндіей, а также ассигновалъ суммы на усиленіе вооруженій въ восточной части Швеціи. Министерство, при этомъ, не скрывало, что всѣ эти мѣры принимались на случай войны съ Россіей.

Взгляды Норвегіи на Россію были совсѣмъ другіе, и во время расцвѣта тройственнаго союза, знаменитый норвежскій писатель Беернстерне-Бьернсонъ помѣстилъ въ „Daily Chronicle“ письмо, въ которомъ заявлялъ, что причина шведско-норвежскаго разлада коренится въ сопротивленіи, которое оказываетъ Норвегія проекту присоединенія Скандинавіи къ тройственному союзу, такъ какъ норвежцы находятъ, что Россія вовсе не угрожаетъ Скандинавскому полуострову. Бьернсонъ повторилъ, что Норвегія никогда не согласится примкнуть къ тройственному союзу и скорѣе предпочтетъ расторгнуть унію съ Швеціей.

Не буду говорить о поддержкѣ, тайной или явной, которую находили въ Швеціи всѣ враждебные русскому правительству элементы изъ Финляндіи, но нельзя пройти молчаніемъ, что шведская печать оказалась и за послѣднее время солидарной съ японцами по той причинѣ, что удовлетвореніе

требованій японцевъ обезсилило бы Россію и на Западѣ. Дружественное же отношеніе къ Россіи Норвегіи внушало шведамъ опасенія за будущее. Въ этомъ смыслѣ характерно заявленіе профессора Гаральда Хьерна, члена комиссіи риксдага, сдѣланное имъ до карлстадтскаго соглашенія:

„Пока унія была въ силѣ, существованіе норвежскихъ пограничныхъ крѣпостей не вызывало опасеній, но независимая Норвегія можетъ соединиться съ Россіей и воспользоваться при этомъ крѣпостями для вторженія въ Швецію... Обращеніе по вопросу о крѣпостяхъ къ третейскому суду непримѣнимо потому, что шведы относятся недружелюбно къ гаагскому трибуналу, какъ основанному по русской иниціативѣ“.

Пробовали шведы и запугивать Норвегію; такъ, извѣстный шведскій путешественникъ Свенъ Хеддинъ высказывалъ, что вытѣсненная съ Дальняго Востока Россія, для выхода въ свободное море, неизбѣжно обратитъ свои взоры на Сѣверъ, и что Норвегія совершенно безсильна помѣшать ей отобрать Финмаркенъ.

Періодически возникавшіе слухи о намѣреніи Россіи захватить себѣ портъ въ Варангеръ-фіордѣ, возбудили во мнѣ желаніе постараться прослѣдить, откуда пошла эта легенда. Съ одной стороны, какъ мнѣ кажется, она объясняется тѣмъ, что, по общему сознанію, конвенціею 1826 года, Россія сдѣлала непростительный промахъ, который она рано или поздно должна исправить, а во-вторыхъ, быть можетъ тѣмъ, что въ обнародованномъ въ Христіаніи въ 1897 г., въ числѣ прочихъ дипломатическихъ актовъ, секретномъ мемуарѣ нашего комиссара въ Норвегіи, генерала Орлова, отъ 16 августа 1814 г., говорится, между прочимъ: „При нашихъ торговыхъ связяхъ намъ было бы желательно владѣть на норвежскомъ побережьи портомъ, могущимъ служить складочнымъ мѣстомъ для нашихъ товаровъ, которые тѣмъ самымъ были бы въ безопасности, въ случаѣ политическаго разрыва. Этотъ портъ или городъ, навсегда нейтральный, навсегда свободный, былъ бы тѣмъ глазомъ Россіи, которымъ она наблюдала бы за Норвегіей“.

Насколько мнѣ извѣстно, никакихъ оффиціальныхъ послѣдствій пожеланіе Орлова не имѣло. Выходъ на сѣверѣ въ свободное море, конечно, намъ необходимъ, но было бы противно благоразумію отрясать прахъ съ древнихъ владѣнныхъ хартій и ссориться ради того съ постоянно относившеюся къ намъ дружественно Норвегіей, когда тотъ же самый результатъ можетъ быть достигнутъ Россіей умѣлымъ использованіемъ принадлежащаго намъ побережья. Этого же вопроса о свобод-

номъ выходѣ на океанскій просторъ касается помѣщенное въ „Народномъ Голосѣ“ 8-го ноября 1905 г. письмо высоко—авторитетнаго государственнаго дѣятеля, скрывшаго свое имя подъ иниціалами Ф. Р. О.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что морское дѣло не достигнетъ у насъ полнаго развитія, пока моряки и корабли наши будутъ ютиться въ закрытыхъ моряхъ Черномъ и Балтійскомъ. Александръ III понималъ воспитательное значеніе сѣвера и мечталъ о перенесеніи морской дѣятельности на ерега Мурмана. Къ сожалѣнію, на сѣверъ морскимъ министерствомъ былъ посланъ не русскій, а финляндецъ Индреніусъ, который, заблаговременно припасая океанскій портъ для самой Финляндіи, представилъ отчетъ о полной невозможности зимовки въ тѣхъ краяхъ для русскихъ моряковъ. Единственнымъ результатомъ попытки покойнаго Императора осталось поспѣшное и неудачное основаніе города Александровска. Между тѣмъ, на Мурманѣ должна быть основана военно-морская база. Основательное изслѣдованіе береговъ укажетъ, въ какомъ мѣстѣ удобнѣе и цѣлесообразнѣе устроить военный портъ, что̀ совершенно измѣнитъ наше положеніе къ неприступной доселѣ Англіи. Авторъ этого замѣчательнаго письма, представляющаго цѣлую программу, заключаетъ его слѣдующими словами: „И какой заманчивый горизонтъ откроется намъ тогда на сѣверѣ, гдѣ нѣтъ ни проливовъ, ни Зундовъ. Англійскіе берега могутъ быть достигнуты нашими эскадрами въ пять дней, и можно будетъ приняться за серьезное изслѣдованіе сѣверо-восточнаго пути вдоль сибирскихъ береговъ въ Великій океанъ“.

Осуществленіе столь великаго государственнаго дѣла, какъ свободный для Россіи выходъ въ океанъ, отнюдь не можетъ помѣшать установленію самыхъ сердечныхъ, и, если возможно, союзныхъ отношеній съ молодымъ королевствомъ, неизмѣнно выказывавшимъ намъ свои симпатіи.

Нынѣшній норвежскій министръ иностранныхъ дѣлъ Лёфландъ высказалъ недавно корреспонденту „Новаго Времени“ что „со стороны Россіи мы видѣли постоянное хорошее отношеніе къ намъ, даже тогда, когда ея политика была лишь экстенсивной и Россія росла только въ ширину. Если у насъ не было по отношенію къ Россіи никакихъ опасеній въ прошломъ, то въ будущемъ уже и тѣмъ болѣе ихъ не будетъ“.

Такое настроеніе создаетъ благодарную почву для нашей дипломатіи, уже въ первомъ своемъ обращеніи къ норвежскому правительству ставшей на вѣрный путь, когда она рѣши-

тельно отвергла мысль о приписываемомъ ей, по преимуществу англичанами, намѣреніи покуситься на цѣлостность Норвегіи. Если и въ будущемъ дипломатія наша не собьется съ этого пути, ей, по всей вѣроятности, удастся установить близкія, обоюдно выгодныя и для Норвегіи, и для Россіи отношенія и обезвредить нѣкоторыя, нежелательныя для насъ, послѣдствія поддерживаемаго Германіею проекта образованія союза трехъ скандинавскихъ государствъ, въ особенности возможныя, если къ нему, въ качествѣ четвертой участницы, присоединится, благодаря русскому попустительству, и Финляндія.

В. Тепловъ.

[7p]